

Филимон
Сергеев

ИДУЩИЙ
ОТ СОЛНЦА

Филимон Иванович Сергеев

ИДУЩИЙ ОТ СОЛНЦА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24121657

Идущий от солнца: Издательский дом «Сказочная дорога»; Москва;

2013

ISBN 978-5-4329-0045-6

Аннотация

Сюжет романа развивается стремительно, как кинолента. На родину, на Русский Север, возвращается из шумной столицы Вера Лешукова. Сойдя с поезда, она идет на кладбище навестить могилу любимого и здесь встречает Ивана Кузнецова. Неожиданно у нее возникает новая любовь. Иван мечтает создать с ней семью. Но драматизм их отношений и своеобразие восприятия мира подсказывают им, что они могут осуществить свою мечту только на другой планете. Туда они и отправляются. За ними увязывается американский ученый Майкл, очарованный Верой и Иваном, Россией и ее культурой. Писатель как будто хочет примирить Землю и Небо и достигает своей цели. Но почему герои покидают Землю? И на этот драматичный поворот сюжета дает ответ автор романа.

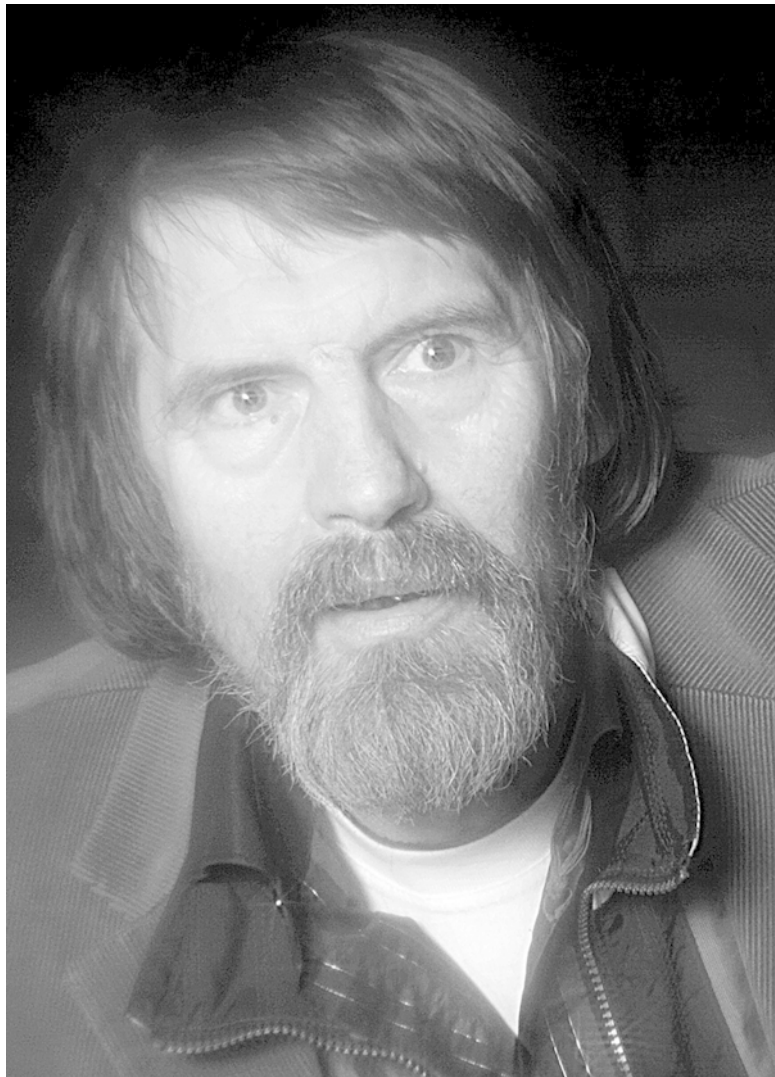
Содержание

Об авторе	6
Потомки гипербореев в поисках истины	8
Идущий от солнца	19
Часть первая	19
Глава 1	19
Глава 2	55
Часть вторая	114
Глава 1	114
Глава 2	153
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Филимон
Иванович Сергеев
ИДУЩИЙ ОТ СОЛНЦА

© Сергеев Ф.И., 2013

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2013

Об авторе

Филимон Иванович Сергеев по профессии артист кино и эстрады. Играл в кинофильмах: «Королевская регата», «Тропой бескорыстной любви», «Рысь выходит на тропу», «Рысь возвращается», «Злой дух Ямбуя», «Непоседы», «Живые и мертвые», «Шальная пуля», «Женитьба Бальзамина», «Поименное голосование», «Теплая Арктика», «Король манежа», «Петр Великий», «Кто, если не мы», «Похищение чародея», «Россия молодая», «Утро обреченного прииска», «Избирательность по соседнему каналу», «Две судьбы».

Кинофильмы «Тропой бескорыстной любви» и «Рысь выходит на тропу» отмечены премиями ЮНЕСКО и Общества охраны природы. Кинофильм «Злой дух Ямбуя» удостоен премии им. Джека Лондона за лучший художественный фильм на Международном фестивале фильмов об Арктике во Франции.

Филимон Сергеев – автор слов песни «Река» к кинофильму Валерия Ускова и Владимира Краснопольского «Отец и сын», автор книг «Федина беда», «Орангутанг и Ваучер», «Преступная цивилизация», член Союза писателей России.

Филимон Сергеев работает в качестве автора-исполнителя. Он неоднократно выступал в телевизионной программе «Добрый вечер, Москва!». Лауреат премии имени Николая Рубцова «Звезда полей» в 2004 году. Автор песни «Брусни-

ка» к кинофильму «Две судьбы». Лауреат премии Второго кинофестиваля «Золотой клык» в 2002 году за кинофильм «Рысь выходит на тропу».

Актер, бард, поэт, отлично играет на гитаре. Филимон часто выступает на сцене, дает авторские концерты в музее Маяковского, в Доме культуры Московского авиационного института, в Театральном музее им. А. А. Бахрушина.

Большой популярностью пользуются его песни о Родине.

В. Ильенков

Потомки гипербореев в поисках истины

Роман Филимона Сергеева «Идущий от солнца», с одной стороны, написан в самых лучших традициях русской литературы, а с другой – есть в нем присутствие нашего времени, которое одновременно является как временем всплеска жизнестроительства, культуры и искусства, так и их упадка.

Что делает роман чисто русским явлением? Безусловно, космизм как мироощущение. Герой русского романа всегда, стоя на земле, упирается головой в небо. И более того, не просто смотрит на звезды, а хочет проломить брешь между миром земным и небесным. Одним словом, русский герой – это романтик, ищущий Любовь, Мечту, Удачу.

На эту тему в русской литературе создано множество произведений: «Аэлита» А. Н. Толстого, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Час Быка», «Лезвие бритвы» И.А. Ефремова, «Альтист Данилов» Вл. Орлова, «Василий Теркин» А.Т. Твардовского...

Принято считать, что художественные традиции русского романтизма складывались под влиянием немецкого романтизма. Философия же немецкого романтизма зиждилась на эстетике Гердера. Но великие русские авторы XIX века, которых принято относить в большей степени к стану романти-

ков, чем реалистов – Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Одо-евский, Грибоедов, Гоголь, А. Н. Островский – равно как и продолжатели их традиций, были поклонниками древне-русской литературы и народного творчества славян в гораздо большей мере, чем немецкого фольклора. Подтверждение этому можно найти как в их великих созданиях, так и в письмах, статьях, дневниковых записях, высказываниях.

Их герои амбивалентны одному очень популярному герою русской литературы, которого мы вправе назвать ее главным героем, – это Иван-дурак.

Чацкий, Онегин, Печорин, Хлестаков и Чичиков – это все варианты одного бессмертного корневого и вечного образа русской литературы.

Советская литература подхватила алое знамя из рук великих мастеров. Появились герои Маяковского, Твардовского, Шукшина, Белова, Астафьева, Вампилова, Рощина, Довлатова той же породы – родные дети Ивана-дурака: Присыпкин, Василий Теркин, «чудики» Шукшина, беловские и астафьевские крестьяне, «старший сын» Вампилова, рощинские Себейкин и Полуорлов, незабвенный образ романтика-филолога – героя «Заповедника» Довлатова, пьющего «горькую» и тоскующего русской тоской не где-нибудь, а в самом пушкинском Михайловском.

Главного героя романа Филимона Сергеева так и зовут сакральным русским именем – Иван Кузнецов.

Сюжет связан с Русским Севером – заповедником русской

души. Еще русские славянофилы первой волны – Хомяков и его окружение – считали, что русская жизнь в своих исконных первоначальных общинных формах лучше всего сохранилась на Севере России. Действие романа происходит в маленьком таежном поселке, на полустанке, куда возвращается главная героиня романа Вера Лешукова. Возвращается из столицы, не зная зачем, не зная насколько, на что-то лучшее от возвращения надеясь и в этом сомневаясь.

Начало вполне экзистенциальное: сразу раскручиваются темы пути, дороги как реки жизни, поисков истоков и корней, первопричин бытия. Само собой разумеется, что истинная литература – это литература экзистенциальная. Что наша жизнь? Конечно же, игра. Но больше – река и дорога.

Спрыгнув с поезда, ибо героиня легка, изящна и ловка, правда, в случае необходимости, бодлива, как молодая козочка, Вера погружается сначала в материнские объятия северной природы, а потом и родной матери.

Описания автором русской северной природы отмечены присутствием божьего дара. Рефреном идет тема истинной цивилизации: не за счет угробления себе подобных, а за счет развития духовного потенциала русского человека.

Вера Лешукова укоренена в русской почве. Она выращена простыми родителями, всю жизнь добывавшими хлеб насущный в условиях дикой северной природы тяжелым трудом.

В семье сохранялась память о предках. Автор подчерки-

вает, что Вера спала в родительском доме на кровати, сделанной ее предком – соловецким монахом.

Освоение Севера явилось залогом расширения в ширь и в глубь обширных владений Российской империи. Подлинным «окном в Европу» стал не Санкт-Петербург, а Архангельск. Туда стекалось самое жизнестойкое, предприимчивое, удалое население из Великого Новгорода. Новгородские ушкуйники готовы были омочить носки своих дорогих сапог в водах неведомых северных морей.

Именно они освоили северный край, сделали его цивилизованным в лучшем смысле этого слова: построили деревянные и каменные, украшенные богатым узорочьем храмы, развели знаменитых холмогорских коров, вывели лошадь мезенской породы, ныне выродившейся, переписали тысячи книг, снабдив их сказочной красоты миниатюрами, расписывали утварь и мебель, шили и ткали, вырезали из кости шедевры прикладного искусства, выращивали в условиях суровой зимы и холодного климата овощи и зерновые, складывали песни и сказания, строили корабли и подарили миру Ломоносова.

Чаадаев, объявленный не совсем понимающими значение этого слова людьми «западником», в своей великой книге «Философические письма» утверждал, что никакой другой народ не выжил бы в таком суровом климате, а русские не просто выжили, но и создали чудные творения искусства, науки и техники.

Главный герой книги Иван Кузнецов – потомственный северянин. Он святой и грешник одновременно. Сидел в тюрьме, бежал, дожив до середины земного срока, встретил и полюбил девушку – Веру Лешукову, которая, в традициях Достоевского, является представительницей древнейшей профессии.

Образ Веры получился не менее обаятельным, чем образ Сонечки Мармеладовой. Но, конечно, это уже совсем другой характер – она боевая, бесстрашная, предприимчивая, вульгарная и одновременно нежная и глубокая в своем женском естестве.

Вера влюбляется в Ивана если не с первого, то со второго взгляда. Она готова идти за героем хоть на край земли и даже лететь в космос, чем роман и заканчивается.

Автор романа – киноактер. Поэтому строение книги очень «монтажно». «Мир монтажен», – утверждал великий кинорежиссер Всеволод Пудовкин. Сюжет развивается со стремительностью киноленты. «Явление героя» романа «Идущий от солнца» забыть невозможно.

Говорят, что это прерогатива американского кино: показать появление героя так, чтобы это стало шоком для зрителя. Вопрос спорный. Вряд ли можно забыть появление на экране Егора Прокудина, Афони, Григория Мелехова, Деточкина и других.

Иван Кузнецов в первый раз встречается с Верой на кладбище, куда прямо с поезда, не заходя домой, идет героиня,

чтобы поклониться могиле любимшего ее парня.

Происходит любовная сцена, достойная пера Мильтона и Данте. На прахе Иван и Вера встречают рассвет и зарю новой жизни.

Иван мечтает создать с Верой крепкую семью, завести детей, построить дом. Парадокс в том, что герои могут осуществить эту достойную мечту только на другой планете, куда они и отправляются, оставив родное суземье, взорвав священный родник, где являлись герою души всех великих людей мира, покинув родных и друзей, остающихся на Земле.

Создание счастья на Земле, насаждение на ней прекрасного сада – это тема советской литературы. Начал ее Чехов своим «Вишневым садом», молодые герои которого, Аня и Петя Трофимов, мечтают жить по-другому, не так, как это делали отцы и деды.

Увы! Советская литература закончилась вместе с советской эпохой. И мы снова остались наедине с вопросами, которые решает каждый для себя сам: «Кто виноват?» и «Что делать?». Для подзабывших курс русской литературы XIX века напомню, что вопросы эти являются названиями романов Герцена и Чернышевского.

Трагическое ощущение от крушения могучего государства не оставляет читателя романа. Тема идет рефреном.

Вернемся к сюжету романа Филимона Сергеева. На другую планету за Иваном и Верой увязывается американский ученый, очарованный как Верой, так и Иваном. Писатель

создает очень колоритный образ человека делового, целеустремленного, прагматичного, коварного, но в то же время талантливого в своей профессии, постепенно проникающегося обаянием России и ее культуры.

Американец любит цитировать культовое стихотворение Пушкина, посвященное няне, безбожно его перевирая и превращая в тарабарщину: «Выпьем с горя... бардачок наш без вина».

Образ ученого-американца Майкла переливчат, как и все переливчатое слово Филимона Сергеева – мастера не искусственной, а живой речи, писателя, у которого каждый из героев говорит своим, а не уныло-одинаковым языком.

Создается эффект образа, развивающегося сразу в нескольких перспективах: молод и стар одновременно, жесток и добр, хитер и открыт, чужой и свой.

Майкл, как и другие герои Филимона Сергеева, «несет» свою судьбу, то есть крест, уготованный Богом. С ним его трагическое прошлое: смерть жены и ребенка. Но Вера и Иван своей любовью друг к другу осветили и ему путь. Майкл начинает под их влиянием понимать, что мир все же не рационален, а иррационален.

Филимон Сергеев пишет про наш извечный русский «бардачок», с удивлением открытый Майклом, немислимый без вина, с такой любовью, что и не знаешь, как эту любовь-боль назвать.

Иван Кузнецов – поэт. Он пишет стихи. И все время зве-

нит в них пронзительная гоголевская нота:

Он дал мне золота мешок
И сжечь мои стихи просил.
Я сжег... и сердце умертвил.
Как он смеялся надо мной:
«Ты – идиот, теперь ты мой!
Я душу высосу до дна.
Она безумцу не нужна.
Ты жалкий нищий, ты больной,
Смерть всюду ходит за тобой!»
Так выпил он меня до дна.
Нет спора, есть моя вина.
С тех пор ни друга, ни мечты.
И воском пахнут все цветы.
Любовь игрушкой стала мне,
Животной страстью в полутьме.
Я продал душу в благовест.
Теперь несу свой тяжкий крест.
Такая у меня судьба.
Одна забава – ворожба.

Гоголь считал, что русский человек – это человек духа. Гоголь был патриотом и много думал о молодом поколении России. Он даже мечтал создать учебники по истории и географии Отечества, прочитав которые дети повернулись бы к лику Отчизны, как к лику солнца и никогда бы уже не поворачивались в сторону тьмы. Будучи преподавателем исто-

рии, Гоголь утверждал: «Историю никто еще так не писал, чтобы живо можно было видеть или народ, или какую-нибудь личность... Все сочиняли или только сцепляли происшествия; у них не сыщется никакой связи человека с той землей, на которой он поставлен».

В романе Филимона Сергеева такая связь есть.

Историзм всегда является обязательным условием художественного качества произведения. Здесь он налицо. Герои романа живут в нашу эпоху, которая обрисована со всеми ее подробностями. Но, как уже говорилось, живя в исторический отрезок времени, они живут в вечности, в космосе. Поэтому, наверное, роман и называется «Идущий от солнца».

Принято идти не от солнца, но к солнцу. Автор использует обратную перспективу, как в древнерусской живописи, в частности в «Троице» Андрея Рублева. Ангелы на иконе повернуты лицом к зрителю.

В заключение несколько слов о деловых людях-прагматиках. Автор их недолюбливает. Но понимает, что без них жить нельзя. Чичиков – образ на все времена.

В конце романа появляется положительный образ предпринимателя, человека, «чувствующего связь с той землей, на которой он поставлен», – это Александр Тимофеевич Молчанов.

Иван Кузнецов оставляет ему в наследство свое сказочно-реальное суземье, полное ягод, грибов, светоносных призраков, легенд и сказаний. Образ, правда, получился слишком

положительным. Фамилия героя-предпринимателя, появляющаяся на последних страницах романа, знаковая. Что есть молчание, тишина? Предвестие Воскресения.

Абсолютный покой наступает перед Пасхой, в Светлую Ночь Воскресения Господня.

Проза Филимона Сергеева сродни литературе, которую современная литературная критика (И. А. Есаулов) относит к пасхальной. Прежде всего, это проза великого Гоголя, мечтавшего подарить нам Литературное Евангелие.

Подводя итог сказанному, констатируем, что, читая роман «Идущий от солнца», получаешь истинное наслаждение от книги, потому что роман этот – подлинное произведение искусства, то есть существо живое, даже животрепещущее, напитанное «русским духом», наделенное широкой русской душой. А без души нет ни человека, ни книги. Автор романа много видел, много любил, много знает и одержим желанием поделиться этим с читателем.

Филимон Сергеев – гражданин Руси в том понимании, которым нас одарил Гоголь: «Немеет мысль перед твоим размахом...»

Как истинный романтик, писатель мечтает примирить Небо и Землю. В общем, ему это удастся. Возникает вопрос: почему же герои покидают Землю?

Вопрос рождается сам собой. Мы все ее покидаем, отправляясь туда, «где Космос, Бог и что-то еще». Слова, взятые в кавычки, – это не мои слова. Они принадлежат, уже

навечно, великому русскому актеру Геннадию Леонидовичу Бортникову, народному артисту России. Он их произнес на своем творческом вечере в музее Н. В. Гоголя в Москве в тот счастливый для него период, когда готовил к выпуску пьесу Мюссе «Прихоти любви, или Капризы Марианны». Бортников, как великий художник, хотел ответить своим последним спектаклем на вопрос: в чем суть любви? И еще, он мечтал сказать на эту тему свое слово.

Елена Митарчук, член Союза писателей России

ИДУЩИЙ ОТ СОЛНЦА

Роман посвящается Галине Алексеевне Кривецкой и ее отцу Алексею Николаевичу Кривецкому, участнику Великой Отечественной войны, дошедшему до Берлина.

Часть первая

Глава 1

Милая моя провинция

– Милая моя провинция! Синева лазоревая... Век не забуду!

Вера спрыгнула с поезда и словно в душистое сено провалилась. Весело стало на душе, солнечно. И показалось ей, что каждая кочка, каждая придорожная березка, смотря на нее, улыбаются. «Интересное дело, – подумала она, – на улице холодный ветер, а мне жарко! Уйти бы сразу в лес, сесть на пенек и любоваться тайгой, любоваться как в юности, три года назад». Радостно Вере. Снова она тут: в родном селе у родителей. Только соскочила с поезда, сразу все до того близким, до того родным стало, аж сердце защемило. «И зачем мне

этот безумный город с его мнимым богатством: изысканными до мерзости ресторанами, обманным рынком, людьми-оборотнями и огромной толпой сутенеров, глазеющих на меня как удавы на беззащитного кролика».

Радостно на душе и в тоже время грустно и как-то независимо, но безысходно. Ведь она родилась тут, можно сказать, в курной избе, на сосновых полатях, где только летом тепло, а зимой лишь от березовых дров да лиственки.

– Ты чего, Верка, соскучилась?

К девушке подошла дежурная по вокзалу. Высокая рыжеволосая женщина с румяным круглым лицом. Глаза ее, словно две прозрачные льдинки, ярко горели на солнце, а речь текла плавно, неторопливо.

– Домой тянет, – с грустью ответила Вера и расплакалась. – Вроде и ничего особенного в нашем поселке, убогость, бедность. а вот видишь – плачу.

– Ты не плачь, Вера. Молодец, что приехала. Тебя нонче добрым словом часто вспоминают. – Дежурная по вокзалу нахмурилась, и вдруг тоже прослезилась. – Какой леший тя к Москве-то привязал?! Будто здесь худо... – никак не унилась она. – Будто здесь не Россия.

– Россия здесь, здесь – вытирала слезы Вера не в силах сдержать их. – В любви здесь не везет.

– Чего? Чего? – не поняла дежурная.

– В любви здесь не везет. И не только мне. – Вера еще больше залилась слезами.

– Ошибаешься Верочка, – успокаивая девушку, возразила дежурная. – В любви у нас многим везет. – И шуму, и суеты от нее не как у вас там. – Да и детишки хорошо плодятся.

К беседующим подошла женщина с темными, словно угли, глазами, обветренным широкоскулым лицом.

– Чего расплакались, кукушки?! – строго спросила она, не глядя в глаза подругам. – Замуж никто не берет?

– Да, Люсенька, не берет! Приходи на уху сегодня. Мамочка должна хороший обед приготовить.

– Спасибо, Верка! Если не загуляю, приду... Поговорить надо.

Вера прошла вдоль железнодорожного полотна и вдруг увидела мать. Внешний вид ее превзошел все ожидания: широкая куртка непонятного цвета, просторные мужские брюки, яловые, до голенища грязные, сапоги.

– Думала, опоздаю, – сразу заоправдывалась мать. – Лесовоз подбросил. – Она молча подошла к дочери и крепко обняла ее. Вере как-то стало неловко. То ли грязи испугалась, то ли строгих материнских глаз.

– Да ты не пугайся. Я ведь с работы. Сей год сучкорубы в цену пошли.

– Как это в цену? – Вера неожиданно вздрогнула, лицо ее сильно переменилось. Именно значение этого слова заставило ее поехать в Москву и заняться тем, что и в голову бы раньше не могло прийти и о чем ее родители и догадаться бы не смогли, сколько бы ни стояли и ни крестились перед

божницей, висевшей в углу.

В школе Вера училась плохо. Впрочем, то общественное заведение, которое называлось сельской девятилетней школой, скорее походило на подготовительные курсы спецназа, где развивались не умственные, не духовные способности детей, а физические, волевые. Главным предметом была физкультура, а остальные как бы просто регистрировались в сознании детей, ни развития, ни применения в жизни не имели. Педагоги скорее озвучивали информацию от Министерства образования, и не более того. А для чего та или иная информация, зачем? Об этом никто не думал, а ученики в особенности. Литература преподносилась как занятный сон или сказка, существовавшая совсем в другом мире в иных измерениях. И даже Александр Сергеевич Пушкин подавался как мечтатель-фантазер, не имеющий никакого отношения к реальной действительности, жизни поселка.

«Но я другому отдана и буду век ему верна», – нараспев декламировала учительница монолог Татьяны Лариной из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», и слова ее вызывали либо недоумение, либо смех. И неудивительно. Дети из разных семей были похожи друг на друга. Хорошо обуты и одеты как раз те, у которых матери нигде не работали и не имели мужей. Может, у них была одна мать – темная северная ночь, пусть и холодная и ненастная, но зовущая к жизни, радости. Именно перед ее чарами и не могли устоять многие женщины поселка. Мать Веры не являлась исключением. Ее

дочь и лицом и фигурой и на мать была не похожа, и на отца. Как говорится, ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. Хрупкая, тонкая, порывистая, Вера скорее походила на плачущую иву, зеленую и шумящую, в самом разливе весенних страстей. И Верой свою дочь мать назвала лишь только потому, что в пору беременности никому и ничему не верила, настолько была скручена тяжелыми обстоятельствами жизни, бедностью.

Муж ее, Михаил Афанасьевич Лешуков, по кличке Быча, познакомился с ней тоже темной северной ночью – шел пьяный во двор и напоролся в сенях на что-то мягкое, теплое, словно в корыто с парным молоком оступился, и уж тут дал волю своим «кузнечным рычагам». Марья Трофимовна только ахнуть успела, а потом словно в поднебесье очутилась, настолько нежным и чутким оказался Быча. Только пятнадцать лет спустя поняла она, что это был его единственный талант – соблазнять и одурачивать женщин, падких на развлечения и плотские забавы.

Мать Веры оглядела дочь и тоже расплакалась.

– Что ты плачешь, мамочка?

– Эх, Верка, упустила тебя... Весь род наш на лесоповалах робил! Оне ешо при царе на нижних складах хлыстами уха-ли. И Павловы, и Онуфриевы, и Лешуковы... А ты? В кого ты блудная такая?!

Вера привыкла к тому, что говорили о ней много и в поселке, и в соседних деревнях, и даже в столице.

– Что нового, мамочка? – с игривой улыбкой перепрыгнула она на другую тему, уже давно заменив в своем сознании слово «блудная» на другое, более современное слово, «востребованная».

– Дай бог, все по-старому... все терпимо. – вытирая слезы, тихо ответила Марья Лиственница, хотя сердце сжималось и хотелось реветь на весь поселок от одного вида дочери.

– Квартиру новую получили? – не отступала Вера, словно не замечая волнения и слез матери.

– Не хотим.

Такого ответа Вера не ожидала.

– Почему? – удивилась она.

– Эх, девка, ты уж там как хошь мыкайся в каменных клетушках, а мы в новой избе хотим жить. смолой древесной дышать, сосной, вереском.

– А как же газ?

– И газ нам теперича не нужен.

– А ванная?! Раньше папка только и мечтал, как бы в теплой воде побулькаться!

– И ванная нам не нужна. Вот избу рубленую поставим, потом за баню возьмемся. Хотим жить, как наши родичи – предки новгородские. Любить каждый клочок земли, отпор давать злодеям, которые губят ее.

– И каким же образом будет отпор?

– Самым простым... Никакой связи с городом, никакой зависимости от чиновников, проходимцев, мозгодавов...

Вера от души расхохоталась.

– Мамочка, не смейся! Помнишь, один мудрец говорил: «Жить в обществе и быть от него свободным – абсурд».

– То-то ты и прилипла к обществу, которое из тебя всю душу выскоблило. Забудь про таких мудрецов-дьяволов. Ну да хватит об этом! Лес для дома мы уже заготовили. Будешь завтра корзать его, окоривать.

– Из кругляка строить будете?! – Вера остановилась, с удивлением посмотрела на мать. – Что же вы не писали об этом? Я для вас ванную купила. Джакузи, итальянский до-мофон.

– Зачем?! Лучше бы селедки тихоокеанской привезла или какой-нибудь рыбы заморской, вкусной, как наша семга.

Вера опять расхохоталась.

Ей почему-то казалось, что покупки столичные приведут родичей в восторг.

А теперь надо было исправлять ошибку.

– Мамочка, – с улыбкой сказала она, – а я еще везу знаешь чего?!

– Чего еще?..

– Еще я везу вам новые аудиокассеты, которых вы днем с огнем не сыщете.

– Макаревича опять. Или эту самую, как ее. Известную певицу не то на «П» не то на «Б». Из головы вылетело.

Вера снова рассмеялась, посмотрела на часы.

– Пойдем, мамочка, скоро новости по первому каналу. –

Она ускорила шаги, звонко постукивая каблучками по шпалам, с любопытством разглядывая родные деревянные покосившиеся избы. Мать едва поспевала за дочерью, глубоко дышала, кое-как справляясь с подарками дочери – тяжелыми олимпийскими сумками.

– Как у Люськи Клюквы дела?

– Да ничего вроде. Остепенилась мало-мало. Первый-то, Юрка, под поезд бросился, а со вторым живет. Мальчик у нее от первого-то. Хорошенький такой. Федулкой зовут.

Вера словно в болотину оступилась. Щеки разом загорелись, сумка соскочила с плеча, и высыпались на шпалы миниатюрный кейс, косметика и аудиокассеты. В памяти словно вспыхнули все тропинки, все мостовые, по которым она бродила с Юркой. С ним она закончила сельскую школу, занималась в клубном драмкружке, ходила вместе на охоту. Все было как с лучшим другом.

Про любовь они не говорили, но она чувствовала, что она нужна ему и старалась как можно чаще встречаться с ним.

Вера любила своего Юрку со школьной скамьи. Но об этом никто не знал. Только болотные кочки да тонконогие ивы у родной реки.

– Мамочка, – тихо сказала она, – домой иди.

Вера торопливо положила кейс, парфюмерию и аудиокассеты обратно в сумку. Губы ее дрожали, глаза удивленно смотрели в сторону кладбища.

Мать забеспокоилась:

– Может, тебя укачало в поезде? Бледная ты... Или голодная?

– Нет, мамочка, иди домой, иди. Я скоро вернусь. – Она свернула с дороги на лесную тропинку в сторону кладбища, нахмурилась. Мать растерянно смотрела ей вслед.

– Как же я тебя оставлю, дочка?.. Уже темнеет. Сей год наемники к нам понаехали! Озоруют, черти!

– Прошу тебя, мамочка, иди домой. – Вера остановилась, строго посмотрела на мать.

– Не пойду: тебе плохо.

Мать Веры, Марья Трофимовна Лешукова, была упрямой и хваткой женщиной. Как лесина вековая скрипела, а на своем стоит, от своего не отступится. Отсюда и прозвище ее – Марья Лиственница.

Известно, что лиственница крепче многих других деревьев, и Марья не хлипкая была, высокая, статная, гибкая, и порода ее от недр поморских шла, от пайщиков зверобойных, онежских заготовителей.

Не уступала она таежным мужикам ни в силе, ни в сноровке: и с хлыстом оледеневшим справится, и кругляк ловко зачикирует и песню народную так подхватит, аж сердце замирает. И на этот раз похмурилась Марья Лиственница, поскрипела-поскрипела и не отстала от дочери.

– Ну ладно, – со вздохом сказала Вера. – Я ведь не салага. Садись на пень, а я курну. – Она опустилась на кочку и, достав из тесных брюк пачку сигарет, по-мужски задымила.

Марья молча присела рядом на сухой валежник и пристально оглядела свое чадо. Лицо Веры сильно изменилось. Под голубыми глазами появились заметные синяки. Румяная кожа на щеках стала сероватой, не в меру пухлые губы, видимо от силикона, казались кукольными, тряпочными. Но длинная тугая коса пшеничного цвета по-прежнему веселила и радовала.

– Упустила я тебя, – опять со вздохом сказала Марья. – Тебе всего двадцать, а куришь как старуха. – Она с какой-то обалдевшей грустью все вглядывалась и вглядывалась в лицо дочери, и слезы текли и текли из воспаленных глаз. – Упустила... Упустила... – сквозь слезы почти стонала она. – Хоть в дом теперь не пускай.

– Давно Юры нет? – растерянно спросила Вера, стараясь не слушать и не смотреть на мать.

– Поболе трех недель, – со вздохом ответила Марья. – Как из армии пришел, так сразу и под колеса.

– А брат его жив?

– А чо ему... Трезвый тише воды, а нальет шары – как леший на девок скачет..

– Не женился?

– Кому така оглобля надобна. Сей год два раза с моста падал, да в колодез Бурачихинский – три. Манефа хотела поминки справлять, а он ожил, гадюка!

Вера опустила голову, поскребла каблукочком сырую землю.

– Ступай домой, мать. Ужин готовь. Гости должны прийти, а я на кладбище схожу к Юре.

– Ты что надумала? Ночью на кладбище. Упаси Господь.

– А что там?

– Беда! Не то люди, не то звери в могилах роются, ищут чего-то. Не ходи, девка.

– Вы что, без милиции живете?

– С милицией... Токо участковый то один, а поселков много. Особо могилы купеческих корней шевелят, богатеньких, – Марья Лиственница погладила шероховатой ладонью по весеннему мху, сорвала несколько прошлогодних клюквин. – Всю жизнь прожила здесь, а такой страсти не слышывала. Могилка Юры рядом с часовней. Вокруг ее ограда высоченная, брательники ставили. Штакетник Оглобля дал.

Вера потушила сигарету, молча поднялась с кочки.

– Оставь меня, мама! Кошки на душе скребут, одной побыть охота. Оставь.

Мать тяжело вздохнула, неторопливо поднялась с валежины и, взяв с собой сумки, нехотя пошла в поселок.

– Ты кейс спрячь подальше от людских глаз! – крикнула вдогонку Вера и огляделась по сторонам.

Кружились ласточки и пеночки над ее головой. Солнце уже догорало, и весенний воздух густо наполнялся запахом хвои, болотной сыростью. Вера любила мать больше, чем отца, и долго смотрела ей вслед. Она, как ребенок, радовалась своему приезду, но весть о смерти Юры сильно заглуша-

ла праздничное чувство. Невыносимая грусть, переходящая в какую-то монотонную глубокую боль, неожиданно овладела ею. Вера молча постояла у вековой ветвистой ели и, осторожно ступая на мшистый сушняк, медленно пошла к погосту. Болотную клюкву словно кто-то рассыпал между кочками. Потемневшие прошлогодние ягоды большими красными каплями пестрели перед глазами и навевали еще большую грусть.

– Осенью по этой клюкве ходил он, – подумала она, – а нынче. – Она остановилась, посмотрела на небо. Тяжелые низкие тучи угрюмо нависали со стороны кладбища. В лесу еще больше стало комаров, запахло плесенью, болотом. Вере почему-то хотелось читать стихи. Она даже повторила несколько раз одно четверостишие:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло отцвесть и умереть...

Автора она не помнила, но стихи звенели в ушах, тревожили. Дойдя до Бурачихинского моста, она свернула к погосту и очутилась на раскисшей от воды пашне. Через несколько шагов туфли ее увязли, она сбросила их, пошла босиком. Миновав пашню, Вера скоро оказалась на краю кладбища. Только сейчас она обратила внимание на красоту деревянной церкви, которую раньше словно не замечала. «Это от-

того, – почему-то подумала она, – что чем безумнее люди в округе, развратнее, тем больше тянутся к святому, вековечному». Вера обогнула полуразрушенную постройку и под цветущей черемухой увидела Юрину могилу. Странное чувство охватило ее. На мгновение ей показалось, что она плывет в каком-то смутном, стремительном сне. Она вдруг почувствовала Юрины губы, сухие цепкие руки, которые плотно сжимали ее тело, затем увидела удивленные Юрины глаза, усмешку в них. Вера глянула на серовато-желтый могильный холм у деревянного креста, тихо прошептала:

– Юронька, что же я наделала? Глупая... Думала, ты не любишь меня.

Ей хотелось броситься на сырую землю, зареветь, но она сдержала себя, вытерла набухшие от боли глаза, но оглядев крест, прослезилась.

Деревянная, еще не выкрашенная, высокая оградка угрюмо окружала Юрину могилу. С обеих сторон оградки беспорядочно валялся еловый лапник, ветки весенней вербы. Вера надела туфли, посмотрела по сторонам. Она заметила, что земля у оградки сильно изрыта, а густой лапник втоптан в болотины. Девушка осторожно открыла дверцы оградки и, выбрав место посуше, присела на густой лапник.

– Юронька! Это я, Верка... Прости меня, – после долгого молчания тихо сказала она. – Если бы я знала, что так получится, я бы не уехала. – Верин голос стал вдруг таким проникновенным, таким скорбным, что ей самой стало не по се-

бе. Даже птицы, казалось, притихли от ее голоса. – Прости меня, Юронька, прости. Прости за то, что не поняла тебя. так жестоко не поняла тебя. Прости, миленький мой, – сквозь слезы еле слышно шептала она. – Думала, Люську любишь.

Потому и в Москву укатила... Миленький мой, колокольчик ненаглядный... – Вера опять прослезилась и не обратила внимания, как в глубине кладбища появились не то серые собаки, не то волки. Она увидела их, когда они поравнялись с часовней. Звери шли с подветренной стороны, и самый высокий, вздыбив шерсть, похожую на конскую гриву, остановился и, подняв морду, принялся словно кабан. Остальные тоже остановились и чутко реагировали на любой шорох и запах. Вера вздрогнула, насторожилась. Но еще больший ужас охватил ее, когда глаза вожака вдруг заморгали и стали как две капли воды похожи на глаза сутенера, с которым она работала в Москве. Они были такие же круглые, бессмысленные, злобные. «Ну, точь-в-точь мой московский мерзкий сутенер», – подумала она.

Звери неожиданно замерли и, постояв немного, молча приблизились к оградке. Поравнявшись с оградкой, они обнюхали ее и, захрипев, начали подкапывать. Вера оцепенела.

Самый крупный зверь, видимо вожак, молча обошел оградку и, почуяв не то запах человека, не то подход к могиле, решительно направился к дверцам.

Вера вскрикнула, но все-таки успела закрыть дверцы на железный засов. Вожак остановился и, в упор посмотрев на

Веру, обнажил ломаные клыки. По всей видимости, он не боялся людей.

Напротив, присутствие человека оживило его, он даже попытался перелезть через ограду, но после неудачного прыжка отошел в сторону и стал внимательно разглядывать Веру.

Глаза его были безумными и горели в сумерках кладбища как белые угли.

– Сутенер! Сутенер! Мерзость. Ты меня и здесь достанешь! – вдруг вырвалось из ее груди. Голос ее был отчаянным, ненавистным, но в ответ вожак только фыркнул и брезгливо покосился на могилку Юры. Судя по всему, зверю не нравились этот холм, этот деревянный крест и его паломница с ярко накрашенными силиконовыми губами, похожая на куклу Барби. Только сейчас Вера заметила, что шерсть у хищника облезлая, туловище худое, поджарое. «Ну, точь-в-точь такое же мерзкое животное, как мой хозяин, только говорить не умеет!» – почему-то опять подумала она, почувствовав сильное отвращение к мохнатой твари.

Между тем кладбище заметно потемнело, земля еще больше задышала влагой, а отсыревшие кресты и деревянные надгробья – гнилью, плесенью.

Вера уже догадывалась, что появились дикие животные неспроста и где-то рядом должны находиться люди, такие же ужасные, облезлые, бесцеремонные и все-таки больше похожие на собак, чем на волков.

Люди появились у оградки так же внезапно, как и соба-

ки. Первый, ростом повыше, с той стороны, куда только что закатилось солнце, другой – покоренастее, шел от черного леса, откуда выкатывалась красная ущербная луна. Оба были в камуфляже, с наполненными рюкзаками, с ружьями наперевес. Они словно находились где-то рядом, но ждали чего-то, так же как и собаки, принюхиваясь и приглядываясь к сумеркам кладбища. Сначала подошел к оградке человек, идущий от солнца. Собаки сразу стали повизгивать и урчать, как будто ждали какой-то необычной команды от своего хозяина.

– На ловца и зверь бежит, – еле слышно прошептал человек, пришедший от солнца. – Сказка моя, как я понял, кладбище твой родной дом?

Подошедший был не молодым и не старым. Судя по глазам и еле заметным искрам, которые словно излучали из его глаз какой-то странный, почти безумный свет, он был еще молод, но лицо, изрезанное шрамами, и золотые искусственные зубы говорили совсем о другом.

– Неужели ты девушка?! – Нежным и каким-то вкрадчивым, совсем не мужским голосом вдруг спросил он и улыбнулся. И Вера увидела не только его золотые, ювелирно исполненные зубы, но и длинный, дрожащий от вожделения язык. – Что ты молчишь? Отвечай мне как на исповеди. Ты девушка? – строго спросил он. – Тебе стыдно от этих слов или смешно? Если ты будешь молчать, то я подумаю, что ты мертвая, и сделаю контрольный прокол, то есть проткну тебя

вот этим самым ножом. – Он вытащил из-за голенища нож и долго смотрел на него, словно любуясь игрой света, идущего от красной луны. – Как зовут тебя?

– Тебе не все равно...

– Ну вот, наконец-то заговорила.

– Ты мне нравишься, полнощная ведьма, душу на клочки рвешь. Очень нравишься.

– А вы мне нет.

– Об этом я тебя не спрашиваю. С человеком, идущим от солнца, так не разговаривают. – От этих слов Вере стало жутко. – Ну что дрожишь, ведьма несказанная? Такую смелую, такую чуткую и душевную барышню я давно ищу. – Он отложил ружье в сторону, сбросил рюкзак и с широкой душераздирающей улыбкой подошел к Вере. – Ты судьба моя звездная. Сказка моя, – тихо прошептал он и вдруг заплакал. – Я хочу от тебя сына. Такого же смелого. Такого же чуткого, как ты! Ради такой женщины я пожертвую многим. – И слезы брызнули из его воспаленных глаз еще сильнее. – Ты видишь. я плачу от счастья. Я предчувствую, что ты прекрасная женщина и прекрасная мать, и даже это склизкое кладбище. эти могилы, эти кресты, под которыми покоятся души земляков, будут нам в радость. Ну что ты смотришь на меня так?! Ты ведь нежная, славная женщина, умеющая любить и страдать, как я! Ну что ты молчишь? Ты уже знаешь моих собак. Если я захочу, они вмиг разорвут тебя на куски, в несколько секунд, потому что их воспитали люди, которые

сегодня разрывают Россию еще быстрее, еще безжалостнее. Ты хочешь этого?

Вера замерла в оцепенении от неистовых чувств и взволнованных слов незнакомца, но, как ни странно, как ни жутко было ей общаться с безумцем, влетевшим на кладбище словно снег, слова его казались искренними и проникали в ее душу. Она уже второй год торговала собой в разных районах Москвы и прирабатывала в одном из «престижных» «элитных» домов, известном не только в центре. Но с такими откровениями, с такими потребностями интимной жизни встретила впервые. Растерявшись, она даже не знала что ответить. Все тело ее, словно от какого-то жуткого сна, от какой-то безумной растерянности, вдруг болезненно сжалось, ее неожиданно затошнило и страшно захотелось провалиться хоть сквозь землю, куда угодно, только бы не стать жертвой человека, похожего на привидение.

– Уж лучше умереть, – сквозь зубы прошептала она, – чем...

Она недоговорила. Человек, идущий от солнца, вдруг хлопнул дверцу и проворнее лохматого жоака прыгнул на ее хрупкое тело. Он разорвал ее кофту в мелкие клочья и вдруг повалил Веру на еще свежий могильный холм прямо под крест.

– Ты будешь моей! – вдруг громко выкрикнул он и неожиданно застонал, а потом вновь заплакал как сумасшедший, видимо от счастья, радости. – Ты дашь мне такого же безум-

ца, похожего на тебя и меня!

Вера сопротивлялась изо всех сил, но руки его, как железные клешни, которыми выхватывают горячие угли из русской печи, вцепились в ее модные джинсы, и они не выдержали и затрещали. Вера укусила его сначала в руку, потом в колючий подбородок, потом в губы, но от этого он только вздрагивал и словно таял от блаженства и радости, как будто впервые колот свежие, обалденно пахнущие дрова и наслаждался их прелестью.

– Ты дьявол, – в бессилии прошептала она, стряхивая слезы. – Ты хочешь изнасиловать меня на могиле Юры! Моего любимого парня. Тебя Бог накажет!

– Радость моя, – шептал он в ответ, порвав в клочья ее джинсы и бросив их за оградку могилы к оторопевшим собакам. – Прости меня, но я иначе не могу. Ты будешь счастлива. Ты знаешь, что такое жизнь! Земля! Воздух! Солнце! Звезды! Я научу тебя тому, чему учит не только Господь, но и мир других страстей, другого разума. другого блаженства. Прошу тебя, если вдруг я умру сегодня от счастья. неги, скажи моему сыну, что отец его пришел от солнца. звезд. Пусть он всегда помнит об этом!

«Какой ужас, какая мистика, и все это на могиле Юры!» – дрожала Вера от неистовой силы его цепких рук и жадных губ. Но чувство страха и отчаяния постепенно стало покидать ее. Она вдруг ощутила, что перед ней хоть и обезумевший, сумасшедший мужик, похожий на лесного разбойника,

но горячий, неистовый, с мощной людской энергией, страстью. У нее уже был опыт в отборе таких свирепых клиентов, но это осталось там, в большом городе, среди людей, ошалевших от денег и власти, а тут происходило нечто совсем другое, непохожее на все то, что уже пришлось испытать, почувствовать! И наслаждение среди замшелых крестов, вековых могил, затхлого сырого места, на котором находилось кладбище, рождало в ее сердце какую-то немыслимую тайну, какое-то не запрограммированное, не купленное заранее эротическими рекламами естественное влечение. Такие слова незнакомца, как «голубушка, ведьма несказанная, судьба моя звездная... ты узнаешь, что такое жизнь, земля, воздух, солнце», открывали перед ней мир других отношений, другой страсти. В «элитном» доме, когда она на пальцах или мимикой, прячась от видеокамер, показывала, что за подобные изощрения надо платить в два-три раза больше, ей предлагали только деньги и украшения. А здесь речь шла совсем о другом. Кроме того, незнакомец обещал еще чему-то и научить, ссылаясь не на Господа Бога, а на мир другого разума, других пророчеств.

Оставшись в одной поролоновой куртке, которую ему не удалось порвать, Вера поняла, что просто так от него не уйдешь, и все может быть еще ужаснее, так как другой человек, пришедший от луны, уже сбросил свой рюкзак и, отложив в сторону ружье, с удвоенным вниманием следил за происходящим. Судя по всему, он тоже чего-то хотел от нее, потому

что уже разделся до рубашки, и нарисованный на ней двуглавый орел зорко смотрел в разные стороны.

– Иван, тебе помочь? – учтиво, но не без дрожи в голосе, поинтересовался он, увидев в сумерках полуобнаженную девушку.

Человек, пришедший от солнца, который, вероятно, и был Иваном, ничего не ответил, только отрицательно покачал головой. Луна светила прямо ему в глаза, и Вера в этот раз ясно разглядела его лицо. Удивительно! Оно не было самодовольным, злорадным, властно преуспевающим, жаждущим секса и сладострастной покорности, а было абсолютно непохожим на те лица, которые ей приходилось обслуживать в «элитном» доме. Оно казалось худым, изможденным и сильно изрезанным многочисленными шрамами, особенно на рельефном лбу и под глазами. И эта худоба, эта истомленность, как ей показалось, шла не от болезни, а от какой-то неистовой устремленности... Но к чему? К жажде ненасытной страсти или еще к чему?! Она терялась в догадках.

– Иван, – тихо, почти шепотом, простонала она, и накопившиеся слезы вдруг вырвались из ее глаз. – Вы что, изверг?! Или на вас креста нет?! Вы ведь, наверно, из наших мест. Неужели вы так унижите меня и бросите за ограду, как рваное белье?!

Но Иван словно оглох. Жалость девушки, перемешанная с какой-то сильной душевной болью, на несколько мгновений остановила его. Он вдруг насторожился, сурово посмотрел

на своего приятеля, потом на собак, потом оглядел церковь. Вера чувствовала, что ему хочется разреветься, раскаяться, но он сдерживал себя, стиснув зубы, и она неожиданно для себя чуть-чуть придвинулась к нему и, словно теряя под собой обнаженные ноги, как будто полетела куда-то в неизвестность, в какую-то жуткую тайну. В глазах ее поплыла сначала оградка, потом церковь вместе с часовней, потом закружились звезды над ее головой, устремив ее куда-то, словно в преисподнюю, а потом все тело вдруг охватила сладкая дрожь. Она чувствовала, что он уже в ней, и вдруг ощутила, что жуткое отвращение и желчь ненависти, которые только что испытывала она, стали перерастать в светлые, неожиданно ясные чувства, от которых все кладбище как будто озарилось румяным восходом солнца, звоном болотных трав.

Неприязнь к безумцу постепенно стала исчезать, а потом и вовсе растворилась. Словно до этого дремавшая струна вдруг зазвенела в ней, и Вера даже сладко застонала под воздействием ее. Она вдруг забыла обо всем на свете, ощутив неистовое чувство Ивана, от которого шла необъяснимая энергия тепла, блаженства. Такого она никогда не испытывала в «элитном» доме, хотя и пила там различные возбудители для эротического комфорта.

– Ты тоже пойдешь от солнца, – почти прохрипел он, когда она, вопреки рассудку, буквально впилась силиконовыми губами в его раскаленную грудь, пахнущую костром, смолой и необъяснимым запахом солнца. – Счастье мое, счастье, –

несколько раз повторил он, ощутив ее обнаженное тело. – Пойдешь, пойдешь... несказанно пойдешь! – Еще сильнее прохрипел он. – От солнца пойдешь, вместе со мной. вместе с нами. Вот так. вот так. Я научу тебя быть еще счастливее, еще искреннее, еще благоразумнее. Вот так. вот так. – шептал он, и шепот его, как это ни странно, проникал в ее сердце, в ее плоть, хотя, по всем признакам, человек, пришедший от солнца, был намного старше ее и далеко не красавец. – И это только начало нашего пути.

– Да. да... начало, – неожиданно для себя вдруг просто-начала она. – Ты возьми меня с собой. Ты возьми. Я тоже хочу быть рядом. Туда возьми, где есть такие, как ты, люди.

– Вот и хорошо, вот и прекрасно. вот и замечательно. – расплываясь в сладкой улыбке, еле слышно шептал он.

И так продолжалось до самого рассвета.

Как только рассвело, Вера чуть отодвинулась от Ивана и почувствовала под собой что-то твердое, холодное словно камень.

Она протянула руку и поняла, что это Юрин крест.

На душе опять стало жутко, безысходно, и хотелось зареветь от горя.

Иван спал крепким мужицким сном, и, может быть, ему снилось солнце или ослепительно белая ночь, потому что он часто моргал глазами, морщился и бредил. Она попыталась отодвинуть его, но собаки, лежавшие за оградой, начали урчать и шериться.

– Иван, просыпайтесь, – тихо прошептала она и осторожно царапнула по его блаженному лицу острыми, как у тигрицы, ногтями. Таким способом она обычно будила всех богатых клиентов, которые покупали ее на всю ночь, забыв при этом о четких правилах «элитного» дома. – Иван, вы слышите меня?! Приедет милиция и вас заберут.

Иван не шевелился.

Его левая рука лежала у нее на груди, а правая – под ее изогнутой спиной. По его счастливому лицу было видно, что ему снится сладкий сон.

Его левую руку она осторожно сняла с груди, под правой с ужасом обнаружила свою рыжую косу.

– Иван, проснитесь, – уже громче прошептала она и покошачьи уколола его бледные щеки. Иван наконец-то раскрыл глаза и, ощутив ее тело, расплылся в радостной детской улыбке.

– Доброе утро! Ты проснулась? – также шепотом спросил он и, опять закрыв глаза, с какой-то молитвенной истомой поцеловал ее в обнаженную грудь. – Как хорошо, что ты не увильнула от меня... – Он опять положил левую руку на ее грудь, а правой с каким-то неистовым блаженством подтянул Веру к себе вместе с косой и клочьями травы. Вера попыталась убрать его руку, но, не справившись, не выдержала и опять расплакалась. – Чем больше ты плачешь, тем больше я понимаю тебя, – сразу оживился он и снова припал к ее разгоряченной груди. – Ты жена моя, раздавленная, голодная,

потерянная. Ты боль моя, беда. Я люблю тебя, как последний
глоток совести, надежды.

– Иван. Вас заберут. Рассуждать о России вы будете по-
том.

Но Иван словно не слышал ее слов. Он опять с какой-то
неизбывной мужицкой страстью припал к ее дрожащим при-
пухлым губам, сбросил с ее плеч поролоновую куртку и при-
тянул ее тело как можно ближе к себе.

И слезы, словно капли утренней росы, стали стекать не
только с ее глаз, но и с его щек, губ.

Они ползли по ее посиневшему, исцарапанному телу, но,
несмотря ни на что, она с какой-то жалобной надеждой смот-
рела в его воспаленные голубые и очень уставшие глаза.

Иван, в отличие от нее, плакал как ребенок, и в его откро-
венных чувствах, в его неистовой страсти не было никакой
фальши, никакого интеллектуального уродства.

– Девочка, тебе жалко меня? – неожиданно спросил он. –
Если жалко, то поцелуй меня как своего спасителя. Жалко
или нет?

– Не знаю, – растерянно ответила Вера, опять ощутив
невесомость в ногах и какое-то неосознанное влечение к
Ивану.

– А мне тебя жалко... Очень жалко...

– Почему?

– Потому что ты не поняла самого главного. Кстати, как
тебя зовут?

– Вера. Вера Лешукова. Мне 20 лет, но я уже знаю, что такое настоящая любовь. – Вера перестала плакать и с досадой, с каким-то безнадежным отчаянием посмотрела на Юрину могилу, затем высвободила косу из руки Ивана Петровича и надгробного креста. – Вам не понять, как я любила Юру, – тихо прошептала она.

– Не рассказывай, об этом я догадался сразу, как только увидел тебя на могиле несчастного. Меня потрясли твоё раскаяние, твоё душа, любовь. Я понял тебя и не смог устоять, сдержаться. Потому что я человек, идущий от солнца, и о такой любви, которую ты чувствуешь, я читал только в романах, которым никогда не верил, не верю и сейчас, пока сам не переживу подобного. Ты основного не поняла – ты не дашь тем, кто любит тебя, боготворит, ответных искренних чувств, без которых ты пропадёшь точно так же, как твой друг Юра.

– Откуда вы знаете?

– Я знаю очень много, оттого и хожу сюда каждый вечер, потому что общаюсь не только с живыми, но и с мертвыми. Для меня что живой, что мертвый, – без разницы. Бродит ли он по земле или спит. Главное, знать каждого, потому что среди моих друзей светлые люди есть. Иногда и от мертвого больше толку. Вспомнишь его мудрые мысли или советы, хоть откапывай его и подробно все расспрашивай. – Иван перекрестился и неожиданно погладил сильно покосившийся надгробный крест. – Прости меня, парень, но Верушка те-

перь моя. Ты знаешь, милая моя Верушка, что на этом кладбище лежат все твои предки?

– Знаю. Может, не всех, но знаю.

– Молодец... Это надо знать. Иначе без совести проживете. Думка о них – это их бессмертие и твоя совесть и, по-моему, большой для них праздник. Иначе они бы не затихали по ночам, когда я с ними разговариваю и читаю им стихи. Вон там, за церковью, могила твоей прабабушки, которая бурлачила по реке Вага, а потом расправилась со своим хозяином, превратившим ее в жалкую рабыню. Она сидела за это.

– Как сидела?

– Обычно. В тюрьме. У вас весь род по тюрьмам кочевал. Но ее вскоре отпустили, потому что хозяин – как потом выяснилось – сам – убийца, и заставлял женщин тянуть лямку наравне с мужиками. Я и отца твоего знаю. Не раз его от водки отхаживал да спасал от тюрьмы. И матушку твою боготворил в молодости. Цветы ей дарил, махорку, нежил ее. Но она, по-моему, только отца твоего любит, а со мной просто балуется. Я многих из поселка знаю, и меня знают, потому что я не замыкаюсь в себе и ничего не скрываю от людей. И чихал я на все коммерческие тайны и сплетни. У человека есть только тайна сердца, которое либо любит и сияет как солнце, либо ненавидит и сеет смерть и мрак. Середины нет. Середина только у слабоумных да запутавшихся людей. Верушка, горе мое заблудшее, я иду от солнца, а ты неизвестно от чего! Ты любила Юру, но его больше нет, а жизнь идет. Я

люблю тебя так же, как Юра, а может, еще сильнее, потому что я презираю этот алчный безумный мир до слез, до боли, до отвращения. Я ненавижу его людей, которых, впрочем, и людьми нельзя назвать. Это жалкие твари, без неба, света, воздуха, свободы. Муляжи, обескровленные деньгами и ничтожными проблемами. Я ненавижу их, и полюбить кого-то мне очень-очень трудно, а ты, Вера, ты желание мое. мечта. Я хочу, чтобы ты была моей, моим другом. Я начну жить ради тебя. У нас появится свое суземье, свое раздолье черничное, свой таежный рай.

Удивительно, но эти исповедальные незамысловатые откровения, казалось, наполняли тишину кладбища каким-то необъяснимым теплым светом, каким-то новым утренним пробуждением ранней весны, дыханием солнца, свободы. Словно они шли не от безжалостного безумца, ослепленного желчью и злобой на весь окружающий мир, а откуда-то из глубины бескрайных северных болот, непроходимых таежных буреломов, суземий, деревень, наполненных сиянием звезд, вечностью.

– Иван, вы сумасшедший, – растерянно и опять каким-то приглушенным шепотом выдохнула Вера, совсем оправившись от слез. – Но от ваших слов я балдею и дико тащусь, как будто вы самый близкий, самый дорогой мне человек. Ведь вы намного старше меня, хоть и похожи на Юру чем-то...

– Я старше годами, – сразу возразил он, – но не чувствами, не душой. А уж о страсти и говорить не приходится. Я

младенец рядом с тобой. Твои чувства изношены, как сапоги твоего отца. От них прет какой-то жуткой безысходностью, безнадежным захватом суперроскоши, превосходством. Ты контролируешь себя на каждом шагу и боишься, что тебя обманут, предадут или продадут твоё гибкое красивое тело. Высосут из него все и выбросят, как я выбросил твоё рваное бельё за эту ограду. Глупенькая! Кто любит, тот не обманывает и не высасывает душу, а если обманывает и сосет – то не любит. Если б завтра солнце взошло с другой стороны или перестало светить несколько дней, то произошло бы бог знает что! Но оно не подводит нас и каждый день поднимается с востока, откуда пришел я. Я уведу тебя в другой мир. В край северного сияния, вечности, бессмертия. В мир отзывчивых добрых людей, не знающих, что такое ложь, зависть, насилие. – Иван вдруг замолчал и пристально посмотрел Вере в глаза, пытаясь уяснить, как она поняла его слова. Он догадывался, что в её сознании такие понятия, как «бессмертие», «вечность», никогда не существовали. Она жила прежде всего плотской мотыльковой страстью, а сильными духом считала тех людей, которые за оказанную ею услугу платили хорошие деньги. Этим людям она уважала, но почему-то ценила и помнила в первую очередь только тех, с которыми получала физическое наслаждение, связанное с острыми ощущениями, оргазмом.

– Утром сильно похолодало, – тихо сказала она, пытаясь успокоить себя после слов, сказанных Иваном.

– Ночью было еще холоднее.

– Ночью я ничего не чувствовала, кроме вас. А сейчас у меня замерзли руки... И мне надо идти домой.

Он взял ее руки в свои обессиленные ладони и неуклюже, даже застенчиво, словно между ними ничего не произошло, потянул их к своей груди.

– Я буду греть их вот здесь, в сердце, потому что отсюда исходит солнечный свет. Я чувствую тебя не только плотью, но и заиндевшим сердцем. Уверен, ты родишь мне красивого, бесстрашного сына. А сейчас я тебя одену в целительную одежду и провожу до ворот кладбища.

Всю ночь, наполненную яркими звездами и какой-то труднообъяснимой исповедальной страстью, Иван был в ударе. Он испытал счастье, ведь Вера отдалась ему, несмотря на то, что он варварски ворвался в ее душу. Ведь она, пусть и не совсем осознанно, может, безрассудно, но была занята совсем другим человеком. Может, тот человек и в подметки ему не годился, но он любил Веру, носил не один год в своем сердце, а потом, видимо не справившись с горечью и болью безответной любви, покончил с собой.

«Этот парень, – размышлял Иван, – совершил преступление перед Богом. У каждого своя судьба, но жизнь человека является собственностью его Создателя, а не самого человека. Наверно, парень слишком глупый, зеленый».

За всю ночь собаки даже не тявкнули ни разу. Словно удивленные поведением хозяина, они с любопытством пиха-

ли взъерошенные морды в щели ограды и долго принохивались к дамской косметике. По всей видимости, запах рваного белья девушки пришелся им по вкусу, так как они вскоре улеглись на него и пролежали всю ночь, поглядывая изредка то на своего хозяина, то на звезды. Приятель Ивана тоже был тише воды, ниже травы, хотя и не без волнения наблюдал за своим другом и незнакомкой. Иван быстро стал одеваться. Вера обратила внимание на большой золотой крест, висевший у него на груди. Он всю ночь мешал ей и сильно отсвечивал, сначала от луны, потом от звезд и горящих глаз Ивана. В центре креста блистало выгравированное золотое солнце. Одевшись, Иван достал из рюкзака нижнее белье и протянул Вере.

– Белье хоть и мужское, но ему нет цены. Оно излечило души многих людей. Надень его, из-под куртки не видно, что оно мужское, – строго сказал он.

Оглядев белье, Вера взяла его в руки, и глаза ее округлились.

Белье было очень дорогое, но больше всего удивили в нем очень тонкие золотые нитки.

– Иван, отвернитесь, – тихо сказала она, дрожа от утреннего холода, и стала одеваться.

Иван отвернулся, но, когда он боковым зрением увидел, что большая часть ее тела, особенно в чувственных женских местах сплошь покрыта синяками и царапинами и исколота какими-то пошлыми картинками, сердце его не выдержало.

– Верушка, неужели ты оттуда?! – с грустью показал он в сторону железной дороги, находившейся в километре от кладбища. – Неужели из Москвы?

– Да, – также тихо ответила она с какой-то щемящей болью и, помолчав немного, смахнула с глаз слезу.

– Из публичного дома?

– Ага... Оттуда... Чему вы так удивились? Точнее, из «элитного» дома свиданий для избранной публики. – На этих словах она вдруг словно оступилась и, опять помолчав, добавила: – Я востребована. Меня дорого ценят, любят. Не смотрите на меня с жалостью. Это действительно так. – Она быстро надела его безрукавку и стала походить на беззащитного ангела, которому обрезали крылья. Теплая нательная рубашка Ивана оказалась ей настолько велика, что из-под коротких рукавов торчали белые, как снег, ладони. Без слез на Веру нельзя было смотреть, а когда она, дрожа от холода и сырости, стала выдавливать из себя слова, плохо связывая их между собой, то и слушать ее было жутко и непросто.

– Иван Петрович, по-моему, она отпетая проститутка, – неожиданно прорвало молчаливого приятеля Ивана. – На ней живого места нет... Сейчас в России их тьма.

– Замолчи, «Айвазовский»! – прохрипел Иван, и лицо его побагровело от ярости и возмущения. – Если ты художник, тебе должно быть стыдно. Ты что, не понял?.. Ты что, не видишь?.. Это хрупкое создание – зеркало нашего безумия, нашей жестокости! Супералчности! Ничтожества! Всего того,

что происходит сейчас втайне от многих людей в России... У меня сердце разрывается от этих младенческих синяков!

– А кто один из авторов этого зла?! Не вы ли, Иван Петрович, со своей неистовой хваткой Стеньки Разина? – попытался уколоть его «Айвазовский», но не успел договорить.

– Замолчи! Замолчи, оракул, не то и тебя в Москву отправлю! – Иван схватил ружье, лежавшее у ограды, и, направив его на приятеля, нажал на спусковой крючок. Выстрела чудом не последовало, но приятель Ивана сразу обмяк и упал на колени.

– За что, Петрович? За что? – запричитал он. – Ведь я днем и ночью молился на тебя как на святого, жил каждым волнением твоей тонкой души. Сухари носил, когда ты сидел в тюрьме, лечил тебя. За что?!

– Святое не трогай, – с грустью и какой-то щемящей болью ответил Иван и, проверив ружье, обнаружил, что оно не заряжено. – Твоя работа? – кивнул он на ружье.

– Да. Мне жалко стало эту девочку, на которую ты набросился, как ястреб на мышь, и я на всякий случай убрал заряд.

– Еще раз притронешься к двустволке, будешь иметь дело с моим покровителем. – И он указал на солнце, которое бесшумным красным костром выплывало к вершинам деревьев.

– Но ты в упор стрелял, прямо в меня!

– Не беспокойся, «Айвазовский». Я прострелил бы только указательный палец, которым ты все время беспокоишь мое ружье. Верушка! Ангел мой бесценный! Не обращай внима-

ния на этого идиота. Он чуткий, очень доверчивый человек, к тому же прекрасный художник... Беда в том, что я заразил его страшной болезнью, безысходной, от которой сам страдаю всю жизнь. И предки мои страдали, когда подались из Новгорода на эту землю. Я заразил не только его, но многих родных, близких. Особенно тех, у которых есть душа, страсть, талант. Короче, которые больше похожи на людей, чем на животных.

– Неужели СПИДом?! – вздрогнула Вера и перестала одеваться в белье Ивана. – Это ужасная болезнь.

– Каким к черту СПИДом! СПИД – иммунное заболевание, болезнь африканского происхождения, с которой люди, в конце концов, научатся справляться... А эта зараза намного страшней! Хуже! Потому что она попадает не только в кровь, а в самую глубину души человека. Творит с ним непонятное.

– Что это такое?!

Иван задумался, посмотрел на солнце, плывущее по острым вершинам деревьев, и, обращаясь к светилу, неожиданно встал на колени.

– Прости, прости родимое. за ее и за мои грехи.

– Ради бога, не мучьте меня, – взмолилась Вера и, не дождавшись ответа, стала снимать с себя безрукавку. – Меня и так трясет от всего, что случилось за ночь!

– Глупенькая, зря раздеваешься, – не отводя глаз от солнца, вкрадчиво сказал Иван. – Если ты заболеешь этой зара-

зой, то я буду любить тебя еще больше, преданней, как друга, как мать, как сестру. Ты видишь эту сиротливую церковь, в которой давно нет службы? Тебе нравится она?

– Да.

– Ее построили люди с той же болезнью. Они любили не богатых, а красивых духом людей. Строили храмы, чтобы мы их помнили, жить у них учились.

– Туберкулез?

– Да нет.

– Проказа?

– Нет.

– Птичий грипп?

– Не гадай. Ее нет в медицинских книгах, но ей много, очень много лет. Может, не одно тысячелетие, и называется она просто. Только в жизни да и в истории этой болезни не все так просто.

– Не мучьте меня, Иван Петрович! – опять взмолилась Вера. – Как называется эта болезнь?

Иван поднялся с колен, лицо его стало ясным, озаренным, и голубые глаза его, словно глаза Василисы Прекрасной, пристально всматривались то в светлую синеву неба, то в сосновый прикладбищенский лес.

– Милая моя Верушка, – тихо сказал он. – Назвать эту болезнь нетрудно. Самое трудное понять, как на духу, глубину посконных слов... полюбить ту тоску, ту грусть, от которой веет вечным дыханием молодости, естественным совершен-

СТВОМ.

– Что это такое?!

– Это любовь к земле. Да. Да. К ее бесстрашным, до боли искренним, чутким людям, умеющим в самом малом, в самом обыденном, в самом нищенском находить великое, космическое, – с грустью и с какой-то скорбной улыбкой почти простонал Иван.

Вера тяжело перевела дыхание и опять стала надевать его одежду.

Теперь, как это ни странно, она совсем другими глазами смотрела на церковь, о которой только что говорил он, на часовню, на высокий сосновый лес, окружавший кладбище, и, конечно, на него, совсем непохожего на других людей.

Заметив перемену в девушке, Иван неожиданно взял ее за руку и обнял нежно, и сказал с какой-то головокружительной радостью, счастливый до слез:

– Верушка, я люблю тебя, очень люблю! Я не знаю, что со мной происходит, но это так. Родная моя, приходи сюда каждую ночь. Я буду ждать тебя со своим другом и собаками, которые уже привыкли к тебе. – Он старался согреть ее своим легким, не по возрасту порывистым телом, от которого, словно от леса, шел аромат весеннего утра, свежести, запах молодого вереска и сосны. Он погрузил свое огрубевшее таежное лицо в ее светлые серебристые волосы и дышал ими, словно искал еще какой-то другой, необыкновенный, лесной запах. – Я буду ждать тебя с хорошими вестями и

очень прошу, любовь моя слезная, не снимай одежду мою до нашей встречи. Она поможет тебе воспрянуть духом. – Он неторопливо достал кошелек из черепашьей кожи, осторожно открыл его и, отсчитав несколько зеленых банкнот, протянул Вере. – Возьми, Верушка, – с горькой улыбкой сказал он и положил деньги в карман ее поролоновой куртки.

– Вы что, Иван Петрович! – стала отказываться Вера.

– Возьми, возьми.

– Нет... Нет... Мне очень больно... невыносимо обидно... Ведь я совсем не такая, как вы думаете. Ведь я... – Она хотела сказать что-то очень важное, сокровенное для нее, но не могла найти слов, потому что, к великому ужасу, их очень мало осталось в ее душе, а говорить неправду человеку, пришедшему от солнца, она не хотела. – Уберите деньги, – с трудом справившись со своим волнением, растерянно прошептала она. – Иначе я опять разревусь. – Вера вытащила деньги из куртки и сунула их обратно Ивану.

Глава 2

Сон в одежде покойника

Марья Лиственница уже подоила корову и растопила русскую печь, когда Вера пришла домой. Отец тоже уже занимался делами, сидел у телевизора, пил пиво и клеил резиновые сапоги. На экране телевизора мелькал известный эстрадный певец. Глаза у него горели, как у дьявола, и в них,

кроме лукавства и праздной сытости, Михаил Афанасьевич ничего не обнаружил, а голос певца напомнил ему, может, из-за того, что плохо работали антенны, визг старой, сильно заезженной кобылы. Михаил Афанасьевич выключил телевизор, включил радиоприемник.

«Мы настоящие, мы настоящие. – твердило „Русское радио“. – Мы настоящие».

– Если б настоящими были, скотный двор и щас бы стоял, а его разорили такие же настоящие. А ведь он деревяшка. Деревяшке все равно, какая власть, какая вера, зачем портить ее?.. Теперь нет ничего настоящего, кроме солнца, звезд, тайги. Тайга разве виновата, что нашему Третьякову дом нужен, трехэтажный, из рудовой сосны. Вчера я на охоту ходил, за весь день только одного глухаря подстрелил, и тот сидел на елке, спиленной браконьерами. Тайгу губят, черти, губят. Эти настоящие. на словах. законопослушники бандитского разума.

– Хватит брюзжать, – одернула его Мария.

Михаил Афанасьевич как будто не слышал.

– Нынче каждый русский мужик только в одну щель смотрит, ни звезд не видя, ни света белых ночей... Ха! Ха! Ха! Детишек плодить старается, а зачем?! Для чего они?! В Чечню или еще куда. Может, в охрану... А кого охранять – паразитов! От кого?! Может, от народа?

– Нашу Верку ни в Чечню, ни в Ирак, ни в Америку не пошлют. По здоровью не пройдет да и по менталитету. «Ей

где тепло, там и Родина». Всех продаст: и друга, и Христа, потому что ради денег живет.

– А ты что, не такая же кукушка?! Хоть Верка непохожа на тебя, да полет тот же. Не в одном гнезде любите свои яйца попарить.

– А тебе что? Мы как белки крутимся. У меня поле картофельное, глазом не охватишь. Коровушек холмогорских полдюжины, одна другой лучше. Куда денешься? А Верка теперь не чета нам, деревенским. Девушка городская, воспитанная, потому у нее каждый день, каждый час, как на сенокосе – год кормит.

– Ты лучше спроси, где она работает.

– А тебе не все равно? Видишь, сколько подарков навезла. Крутится девка и с головой дружит. Ты сам у нее спроси, где она работает. Может, на Лубянке или в Думе. Оттого и молчит про работу, а ты дознайся, ведь ты отец ее.

– Что-то я сомневаться стал.

– Ух, довыламываешься, Миша! После обеда страховщик должен приехать. Закрой рот. Нынче языки у всех длинные. Заберут, как в тридцать седьмом.

– А я не боюсь, при Петре тоже сажали. Особенно тех, кто бороды не брил. Да и при Галилее – за инакомыслие. Забыла, отчего силен русский мужик?

– От водки, Миша, от водки.

– Фу ты, глупость какая. От водки лихо только алкоголикам, а русскому работнику с кувалдой или топором правда

нужна, а где правда, там и сила, и мудрость. У лжи мудрости нет, оттого и непобедим наш мужик, что правда за ним.

Вера влетела в горницу словно туча на поляну. Мать хотела поговорить с ней, но та погрозила кулаком и, словно глухонемая, прошла в спальню. Отец только развел руками.

– Маша, в кого она?! Всю ночь где-то блудила, а вместо извинения – кулак.

После его слов дверь спальни неожиданно распахнулась, из нее вышла Вера в поролоновой куртке и, сбросив ее, оказалась в нижнем мужском белье.

– Видите, на мне мужская безрукавка.

– Как это понять? – удивилась мать.

– Очень просто. Меня и здесь вычислили, облюбовали, и, по-моему, очень успешно. До сих пор в себя прийти не могу. – Она опять набросила поролоновую куртку и, уйдя в спальню, закрыла дверь на ключ.

Вере хотелось спать, но уснуть она не могла, и вовсе не от петухов, которые все утро кукарекали под окном, как недорезанные, и не потому, что в доме было угарно, а от того, что в сердце возникла такая боль, такая беда, что хотелось лезть на стенку и кричать на весь мир: «Господь, я гибну от безумных мужиков, от их беспредела, наглости! Неужели я такая красавица, что все прыгают на меня, как на шимпанзе?! Я не хочу больше жить, потому что, кроме Юры, меня никто не любил, а прыгают все, один выше другого, словно я на пальме живу!»

Она разделась догола, легла в теплую постель, которую ей приготовила мать задолго до приезда, но вдруг почувствовала какое-то легкое, едва уловимое покалывание в разгоряченной груди. Она поднялась с кровати и подошла к зеркалу. Грудь ее, воспаленная, покрасневшая, светилась в утренних лучах солнца, особенно розовые разбухшие соски. Вера взгляделась в них и увидела, что они покрыты какой-то еле заметной не то пылью, не то паутиной, похожей на тонкие, почти невидимые золотисто-серебряные нити. На кончиках сосков они светились ярче, чем на остальной части груди. Ужас охватил ее, когда она обнаружила, что блестящий золотисто-серебряный слой, похожий на паутину, покрывает все ее тело. «Что это?! – вздрогнула она. – Приворот или еще что?! Я вся покрыта словно мелкой рыбьей чешуей». Она достала мамины очки, лежавшие под большим зеркалом комода, и, увеличив золотисто-серебряные нити в несколько раз, внимательно рассмотрела их. Нити имели определенную симметричную форму, находились без движения, но как только она касалась их ногтями или пальцами, они мгновенно рассыпались, превращаясь в пыль, а потом снова обретали прежнюю форму. Прекратив наблюдение, Вера взяла в руки безрукавку Ивана и принялась к ней. Ароматы весеннего утра, перемешанные с ароматами зеленого вереска и багульника, сначала остановили ее дыхание, а потом захотелось дышать еще больше и глубже. «Какая прелесть, – подумала она. – На кладбище я, наверно, плохо ощущала

этот лесной запах, потому что рядом находился Иван, который пропитан этими ароматами насквозь, а сейчас это дыхание кажется настоящей сказкой». Она опять надела мужскую безрукавку, но блестящий налет на ее теле, похожий не то на пыльцу, освещенную солнцем, не то на мелкую рыбу чешую, не давал ей покоя. «Нет, я лучше сниму ее». Она сняла безрукавку, положив ее подальше от кровати, и легла опять в постель. Полежав в какой-то растерянности несколько минут, Вера вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха. «Может, мама рано закрыла трубу в русской печке, и от этого угарно»? Она открыла окно, проветрила комнату, опять легла на кровать, но состояние ее не улучшалось. Какая-то непонятная тяжесть не давала дышать свободно, и голова, да и все тело становились от этого ватными. Тогда она опять взяла одежду Ивана и приложила ее к лицу. Удивительно. Ей вдруг стало лучше, и она вновь надела безрукавку. Не прошло и нескольких минут, как она куда-то провалилась и уснула.

Яркий утренний сон охватил ее юное тело. Снилось ей земляничная поляна, на которой много, много цветов, бабочек и света. И Вера, легкая, хрупкая, скользит в белом подвенечном платье по солнечной поляне, и сердце ее колотится от счастья, радости. Друзья и приятели провожают ее в другую, новую жизнь, в которой она будет любить и наслаждаться одним-единственным человеком, радоваться, молиться на него, помогать ему во всем, а главное – порхать с ним по

этой земляничной поляне, а может, и по другим полянам, по другой, еще неведомой, земле, в любую сторону, куда он захочет, вместе, рядом, навсегда. Что может быть прекраснее – летать среди цветов, трав, солнечных тайн с любимым человеком? Ее провожают в этот путь прежде всего те люди, с которыми она когда-то спала, и они были счастливы с ней, пусть несколько мгновений, несколько минут, пусть только одну ночь или несколько ночей, но они испытали блаженство. Иначе они бы не пришли к ней на свадьбу и не принесли столько подарков, от которых кружится голова. Мужчин на земляничной поляне, конечно, больше, чем цветов, и она радуется тому, что пришли все, даже те, кто заплатил когда-то за мимолетную близость с ней огромные деньги, потому что прошла хорошая реклама, и те, кто организовывал близость, тоже находились с ней в интимных отношениях, хотя и рассчитались с ней «деревянными». Некоторые мужчины пришли со своими женами и подругами, и Вера от души радовалась тому, что у этих славных импотентов, которых она помнила по разным особенностям, есть женщины, и довольно симпатичные. «Наверно, такие же импотентки, – подумала она. – Но богатые, очень нарядные и очень похожие на благополучных депутаток». Да и сами мужчины в этот торжественный день, не все конечно, но многие, походили на депутатов разоренного государства. Только один не был похож: худой, ясноглазый, с лицом, горящим как свеча, даже шрамы на котором потрескивали словно от жара. Это был,

конечно, Иван Петрович. «Я чувствую всем телом, что ты любишь меня, – шепчет она ему, – поэтому я не возьму с тебя ни копейки, сокол мой призрачный, и не потому, что ты мой муж теперь...» «Почему?» – спрашивает он. «Деньги разделяют людей, – опять шепчет она, – хотя многие думают наоборот, но это самообман, потому что, взяв деньги, люди становятся заложниками их». Иван не соглашается, но она настаивает на своем. Она знает, что, заплатив ей большую сумму, клиент всегда был чем-то недоволен, потому что он ждал от нее чего-то необыкновенного, сверхъестественного, а это происходит лишь тогда, когда есть любовь. А в «элитном» доме строгого расписания, с бесконечным потоком клиентов, слово «любовь» заменяется обычным выражением – «окучить с двойной тягой». Гости подходят к свадебному столу, играет удивительный вальс, и музыканты, слетевшиеся на свадьбу как мухи на мед, аплодируют ей за каждую улыбку, потому что они в курсе дела и хорошо знают, сколько стоит ее улыбка, особенно в центре Москвы, да еще в постели. Тем более что самый виртуозный из музыкантов был с ней в интимных отношениях, когда она еще только начинала свою столичную карьеру, поступив в театральную академию, а вечерами подрабатывала на Тверской с такими же приезжими девчатами, взявшись за руки и солируя песню Булата Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». «Какой удивительный сон», – радуется Вера и, срывая на поляне самые нежные цветы, дарит

их прежде всего мужчинам, потому что она еще не забыла их внимание, их чувственный трепет, деньги, подарки. Они разного возраста, и есть очень старые, с бамбуковыми палочками и в очень толстых очках, словно у сталеваров, даже есть плохо говорящие, с признаками болезни Паркинсона, но все они рады ее видеть и с доброй улыбкой принимают цветы из ее дрожащих рук. И вот к ней, словно ангел, подлетает президент очень раскрученной фирмы, которая выпускает самые крепкие и высококачественные предохранители, пользующиеся спросом даже за рубежом. Он строен, красив, и голубым отливом светятся его перстни на обеих руках. В ладонях он держит свою продукцию, которой нет равных. «Они надежны, – рекламирует он свой товар. – Наденьте, к примеру, вот этот, красный, хотя и тонкий, как крылья бабочки, на хобот любого слона, и он не порвется! – восклицает президент. – Или этот, трехцветный, последнего поколения, самый популярный в престижных домах и недоступный в глубинке, так как стоит сто долларов за штуку». «Это классно, это классно, – хлопает в ладоши Вера. – Вы, господин президент, очаровательны. И очень похожи на ваш товар, на эту самую эксклюзивную резинку, которая помогла нам встречаться без всяких последствий». Теперь все хлопают в ладоши и смеются, а президент хмурится, садится в мягкое кресло, которое ему предоставляют телохранители, словно в самолет, и протягивает Вере бокал шампанского. «Березка наша, – говорит он. – Я желаю тебе и твоему мужу

долгой любви, и буду мочить каждого, кто помешает вашему счастью. – Используйте мой сертифицированный товар, наше будущее за ним!» Все опять смеются, и какой-то молодой человек говорит, что если бы не Иван, то он бы просил Вериной руки. Кто это?! Вера не может узнать его, потому что у него длинные волосы и он наклонил голову. Такого парня она не встречала. По всем признакам, его не было ни на Тверской, ни на Садовом кольце, ни в богатом доме. Она вглядывается и, когда он поднимает голову, узнает Юру.

– Вера, иди обедать! – кричит мать за дверью, и она просыпается. «Какой сладкий и красивый сон», – размышляет она и снова закрывает глаза, чтобы уснуть, но ей хочется есть, и от голода немного кружится голова.

– Сейчас, сейчас, мама... – отвечает она уставшим голосом. – Я только переоденусь и сделаю прическу.

Вера сняла рубашку Ивана и опять внимательно осмотрела раскрасневшуюся грудь. Она вдруг обнаружила, что золотисто-серебряные нити на сосках ее груди не только не исчезли, а наоборот, стали еще ярче, еще ослепительнее. «Кто он, этот странный человек-призрак?! Умом не могу понять. – Она схватилась за голову и глаза ее опять стали мокрыми. – Откуда он взялся здесь, в глухом поселке, в котором живут одни пенсионеры да малые дети?!»

Поднявшись с постели, она вышла в столовую.

– Мама, – с тревогой в голосе спросила она, – ты не знаешь Ивана Петровича?

– Какого Ивана Петровича? – насторожилась мать. Потом перекрестилась и тяжело вздохнула.

– Голубоглазого, со светлыми волосами, со шрамом на лбу?..

– А зачем он тебе?

– Просто. Так.

– Нынче, Верушка, просто так и ворона не каркнет. Ты лучше, Верушка, топленого молочка выпей с творогом. Шанег поешь картожных. На тебе лица нет.

– Спасибо, мамочка... – Вера посмотрела на стол, и на душе у нее потеплело.

На столе стоял старинный самовар, каргопольские чашки брусничного цвета, румяные рыбники в деревянных лотках, в берестяной посуде красовались свежие пироги с морошкой и осенними сигами.

– И все-таки, мамочка, кто такой Иван Петрович?! – не унималась она, заварив крепкий кофе.

– Не спрашивай, Верочка, все равно не скажу, – на этот раз, словно топором, отрубила Марья Лиственница. – Не надо тебе знать про него.

– Почему?

– Беда к беде липнет. Вон, папка-то наш, как познакомился с этим Петровичем, уж пять лет прошло, а все книжки о России ворошит да по ночам ими бредит... Где было крепостное право, где нет, в каких масонских ложах царь сидел. Кто пропивал Россию, кто по крохам собирал. А я тебе так

скажу: была Россия, да пропала. Как там у Пушкина? Будто вовсе не бывала. – Марья Лиственница тяжело вздохнула и подвинула к Вере самый румяный рыбник. – Поешь, дитя мое беспризорное. Рыбничек из палтуса. Папка на море сам поймал.

Вера сделала несколько глотков крепкого кофе и, отодвигая рыбник, вдруг заметила, что кожа на ее руке стала еще золотистее и какого-то странного цвета.

– Сколько лет Ивану Петровичу? – на этот раз строго спросила она. – Говори, мама, иначе я в милицию пойду.

– Ты что, спятила?! На кой леший он сдался тебе?!

– Дело в том, мамочка. Как бы поделикатнее тебе объяснить. Не ругай меня, не брани. Но от судьбы не убежишь. Ночью я познакомилась с ним. Близость имела.

Марья Лиственница выронила из рук все, что находилось в них, и бросилась к божнице.

– Мамочка, что с тобой?

– Ты что, Верка, с ума сошла?! Или ветром надуло?! Ивана Петровича уже четыре года нет. – Она молилась и плакала, и глаза ее горели каким-то безумным блеском, наполненным негой и страстью.

– Как нет?

– Вот так. Он похоронен рядом с Юрой, только могила без оградки, потому что людей много к нему приходит... Ломают, черти...

– Не может быть, мама! Или мы о разных людях говорим?!

Иван, высокий такой, с бородкой, блаженный, словно Иисус.

– Замолчи! Был голос, приятный, светлый, как у Христа, и руки, как будто из горячего воска, мягкие, нежные, как у нашего дьякона. Но все это теперь прах, который рядом с твоим Юрой покоится. Пятый год идет, как похоронен.

Вера не выдержала ее слов и, недопив кофе, поднялась из-за стола. Глаза ее вспыхнули, округлились. То ли от слов матушки, то ли от «колдовской» одежды, руки потянулись к сигаретам.

– Ничего не понимаю, – прошептала она, войдя в спальню. – Может, это совпадение?! Мало ли Иванов...

– Мама! – она опять вошла в столовую. – А наколки на правой руке у него были?

– Ну да. В виде перстня – он их, вероятно, в зоне нажил.

– Значит это он, – Вера вновь вошла в спальню и стала быстро одеваться.

– Ты куда?! – мать всплеснула руками, не зная, как помочь дочери.

– На кладбище. Хочу сама во всем убедиться.

У нас, в северной России, кладбище всегда рядом, всегда по возможности на сухом месте, а если на сыром, то от безысходности, потому как прижились не к сухим, а к сырым землям. Новгородцы, все глубже переселяясь на север, искали прежде всего пушнину, птицу, рыбу, лес, растительную пищу, а на сырых равнинах располагались эти земли или на

сухих песчаниках – не главное. Поэтому некоторые деревни оказались в таких болотинах, в таких непролазных топях-кочеражинах, что можно диву дивиться. Вот уж точно, там Макара телят не пасет, но зато и куница, и лось, и медведь прямо в дом идут. Зверь любит тишину леса, озер, да прелые, как топленое молоко, таежные болотины. А погост всегда рядом, и люди посещают его, как в больших городах театры, музеи, библиотеки. И в каждое время суток он имеет свою декорацию, свое освещение, своих посетителей. Днем на кладбище приходят в основном старушки и старики, молодежь – реже, прилетают вороны, сороки, сойки, синички поклевать кутью и оставленную на могилах закуску. Вечером и ночью его посещают волки, лисы, совы и разбойники. Служба на таких кладбищах ведется очень редко, да и не всегда есть церковь, но зато каждый житель поселка или деревни знает, кто где похоронен, и о мертвых говорят как о живых, с любовью, со вниманием или с неистребимой ненавистью. «Колька-то Дроздов три бутылки водки за раз может выпить и на работу как огурчик бежит». А Колька Дроздов двадцать лет уже на кладбище. Или: «Англичане малых ребят тушенкой угощали да шоколадом, заморское лакомство, вкуснятина». А те в этих местах были сто лет назад. Или вот еще: «Ты из Новгорода?» «Да нет, я из Великого Устюга». А приехали эти собеседники на Беломорскую землю четыреста лет назад.

Стоял воскресный солнечный день, и на кладбище собрались люди. Вера многих знала. Но каково было ее удивление,

когда три нарядные незнакомые женщины с цветами и один мужчина в яркой белоснежной ветровке подошли к той же могиле, которую разыскивала Вера, сняли головные уборы и положили на могилу цветы.

– И ты сюда пришла, Вера? Не успела приехать, и сразу к нему? – сказала одна из женщин, узнав Веру.

Вера ничего не ответила, ступая прямо по весенней грязи, разлившейся теплым днем, робко подошла к могиле без оградки и оцепенела. Над могилой возвышался деревянный крест с маленькой черно-белой фотографией, прибитой к сосновому брусу, а под ним была надпись «Кузнецов Иван Петрович». И дата смерти. Веру сразу затошнило, тело ее покачнулось, ноги подкосились, и перед глазами, словно на каруселях, поплыли церковь, кресты, часовня, черемуха над могилой, и она потеряла сознание. Очнулась через несколько минут. Мужчина в белоснежной ветровке, засучив рукава, делал ей искусственное дыхание и приговаривал: «Ничего, ничего, девушка, все пройдет, все перемелется, я по твоему телу вижу, что ты пропиталась солнцем Ивана Петровича, а это знак святого русского духа, и русской крепости тебе не занимать».

Вера хотела подняться, но после слов мужчины глянула на кожу своих рук, которая буквально светилась, и опять потеряла сознание.

Очнулась она в своей спальне на деревянной кровати, сделанной ее прадедом, монахом Соловецкого монастыря плот-

ником Никодимом. Кровать сосновая, сильно скрипела, и, как только Вера подняла голову, в комнату вошла мать.

– Верушка, наконец-то! Слава тебе, Господи, очнулась. За фельдшером поскакали уже, да в пути, видно, застряли... Весна на дворе, разливы.

– Мама, ты мне сказала все как есть. Иван и в самом деле давно покойник. – Вера приподнялась с постели, раздвинула занавески окна, которое находилось над головой, и опять уткнулась в подушку. – Значит я всю ночь была с призрачным Иваном? – сквозь слезы сказала она. – Такого со мной еще не случилось. Интересно, кого я рожу, если рожать надумаю, дьявола или еще кого? Может, я теперь не в курсе вашего криминала. Может, такое здесь бывает?

– Только во сне, – строго ответила мать и перекрестилась. – Иван пять лет как скончался. Царство ему небесное.

– Вот что, мамочка. Никаких фельдшеров, никаких врачей. Не надо. Прошу тебя, не надо.

– Почему?

– Как бы тебе объяснить. Мне стыдно перед ними. Я в шоке.

– Чего стыдно?

– Картинок. И ноги у меня синие от его рук.

– Каких картинок? От чьих рук?

– От рук усопшего. – Вера еле сдерживала слезы. – Прости меня, мамочка, у меня все интимные места картинками исколоты, похожими на порнографию.

Марья Лиственница растерянно всплеснула руками, задумалась.

– Горе мое упущенное. Сейчас по телевизору каких только картинок не насмотришься. А ноги, может быть, от коны синие. Оперативник сказал, что на таком коне, как у нас, можно и мозоли натереть...

– Какой оперативник?

– Который привез тебя на «Жигулях». Он удостоверение показал. Хотел на машине съездить за фельдшером, да я его отговорила. В такую распуту туда только на лошади доберешься.

– Мамочка. Никаких оперативников мне не надо. Я их как черт ладана боюсь! Тем более с фельдшером, который наверняка за наркотой гоняется.

– Ну и что?!

– Ничего. В пределах разумного это стиль моей новой жизни.

– Как это понять?

– Как хочешь понимай, только никаких оперативников в дом не приводи. Тем более фельдшеров с образованием тысяча девятьсот лохматого года.

– А ты откуда знаешь?

– Я ее в белом халатике и в белых тапках видела, когда на рабочем поезде мимо ее дома проезжала. Крыса старорежимная. – Вера опять глянула на свои золотистые руки, хотела снять с себя рубашку, но почему-то передумала. Метал-

лические нитки придавали безрукавке богатый вид, и пахла она отменно. – Мамочка, что-то знобит меня после бессонной ночи.

– Градусник принести?

– Постой.

– Что, Верушка?

– Подойди ко мне.

– Ну что, гулена моя?..

– Наклонись и протяни мне свои костлявые ладошки. Ох, как мне плохо без них! Ох, как тяжело. Помнишь, как ты шлепала меня, когда я в соседнем саду клубнику воровала? Они у тебя горячие, даже жгучие. С ними я всегда знала, что хорошо, что плохо. А теперь.

– Что теперь?

– Теперь у меня одно искусство на уме...

Марья Лиственница суетливо и как-то растерянно подошла к дочери, чуть наклонила голову, и та крепко ухватилась за нее, словно за спасительную лодку, и вдруг громко завсхлипывала.

– Дорогая моя мамочка, как ты непохожа на моих московских «мамочек», сделавших из меня человекоподобную куклу. Прости меня, за все прости. Я виновата перед тобой. И перед папкой виновата, и перед бабушкой, и перед дедушкой, который меня даже видеть не хочет... Милая моя, драгоценная мамочка, я по-прежнему люблю тебя и сделаю все, чтобы ты с папкой не жила в бедности и была счастлива со

мною. – Вера прижалась к матери обессиленными и какими-то еще совсем детскими руками, и та обняла ее и не отпустила до тех пор, пока не обратила внимания на золотисто-светлую кожу дочери.

– Верочка, ты горишь вся, словно в лихорадке, – тихо сказала она и тоже прослезилась. – У тебя лицо светится, как фонарь. Доктор необходим.

– Мама, еще раз повторяю: никаких докторов, никаких оперов. Пусть будет все как есть. Принеси мне стакан водки и соленый огурец. Я выпью и, может, усну. А там что Бог даст.

– Сейчас, сейчас. А фельдшеру что сказать, когда придет?

– Скажи, что девку солнцем напекло. А с этой бедой мы сами справимся. мол, уснула она, и будить ее не надо.

Водка была домашней, и Вера, выпив стакан, попросила принести еще.

– Верушка, ты нынче больше папки пьешь, – не сдержалась Марья, но опять пошла за водкой. И даже, кроме огурца еще морошки моченой принесла.

– Я, наверно, в дедушку, – сказала она сквозь какую-то безумную грусть и усталость. Вера попыталась улыбнуться, но вместо улыбки из посиневших удивленных глаз опять выкатились слезы. – Дедушка наш от хорошей вкусной водки только молодеет да приговаривает: «Любо-дорого, когда кровь горит, да пакадриться хоца. Только раньше дрались,

веря в Божий свет, а теперь лишь в денежки и через Интернет».

После первого стакана Вера заметно разругалась, и золотистый цвет на коже лица неожиданно уступил румянцу.

– Удивительные перемены происходят от водки, – показала головой мать. – Ведь ты, Верушка, только что была в беспамятстве, а теперь словно ожила...

– Мамочка, выпей со мной, и еще раз прошу, прости меня за все. А то, что произошло с Иваном, я постараюсь забыть. Может, это был совсем другой человек или брат его, очень похожий на Ивана.

Марья Лиственница опять перекрестилась, торопливо налила водки, тоже целый стакан, и почему-то с досадой подметила: «Обознаться в человеке, дочка, либо к свадьбе, либо к покойнику».

– Давай выпьем за твою свадьбу, вот и твоя пора пришла. Время, как ветер, по земле летит и непутевых да замороженных на погосте подкарауливает, а потом уносит в самый дальний угол кладбища. Давай за свадьбу твою ополовиним стаканы. Пора уже, дочка, пора.

– Ну да, мамочка, пора, пора, – соглашалась Вера и сразу вспомнила утренний сон. «Блаженный, прекрасный сон, но в этом блаженстве, в этой прелести преобладала какая-то искусственность, расчетливость, – размышляла она, – а там, где расчет, там деньги и казенные отношения». Но она поймала себя на том, что со многими своими поклонниками-клиен-

тами спала не только ради денег, но случались счастливые мгновения, когда деньги уходили на второй план и хотелось не выпускать мужчину не только из своих кошачьих коготков, но и из потревоженного сердца.

– Ты, мамочка, не считай меня легкомысленной, глупой. У меня теперь много денег, и седых волос больше, чем у тебя, только я их крашу и прическу делаю под Аллу Пугачеву, у которой, кстати, не одна «фабрика», и реклама, как птичий грипп, летит по всему свету. Сядь, мамочка, около меня. Я тебе кое-что о столичной жизни расскажу. – Вера тяжело вздохнула и налила еще стакан. Сначала матери, потом себе. – Плохо тому в городе, мама, кто любить может, мечтать, верить в счастье. Еще хуже тому, кто замыкается в своих мечтах, отрывается от миллионной толпы. Чтобы выжить, там надо бежать вместе с паровозом, иначе он разнесет тебя вдребезги, и тебя сожгут в городском крематории, как дрова в паровозной топке. Поэтому я бегу, изо всех сил бегу. Оставив театральную академию, я сначала работала фотомоделью, потом окончила компьютерные курсы, потом курсы массажа, потом курсы английского языка... И пришла к выводу – чем больше знаешь, тем сложнее жить и работу найти. Паровозу, как я поняла, грамотные люди не нужны, нужны кочегары-роботы. Любая энергия востребована там только в тех рамках, которые предлагает хозяин, все остальное отбрасывается в топку. Поэтому я бегу, мама, бегу и не могу остановиться. А здесь я могу остановиться! Здесь другие отно-

шения между людьми. Пусть они проще, но они нестандартные, и намного чище, яснее, чем в городе. Здесь каждый человек – личность. Пусть не всегда яркая, угодная обществу, но личность. А там все рожи похожи, все рады друг другу на словах, но все разговоры и любые проблемы сводятся к деньгам и к жилью. С деньгами там каждая гнида мнит себя звездой и считает, что можно все купить. Меня тоже хотели купить. сразу на десять лет, по дешевке. Но купить ангела с железными крыльями, чутким сердцем, которое каждую секунду может выпрыгнуть из груди и позвать на помощь не только виртуального Бога, но живого дьявола. Такого ангела на десять лет, да еще по дешевке, не купишь! Мамочка, я в шоке от людей, которые не знают, зачем и для чего живут! А их там галимая туча. Они копят, копят, копят. Покупают себе все более престижные квартиры, компьютеры, унитазы, потом едут на Канары или на Майорку и опять копят, копят, копят, и вновь покупают еще более престижную супербытовуху и думают, что в жизни они чего-то добились и могут себе многое позволить. Может, они чего-то и добились, но эта добыча только для утоления своей личной прихоти и никак не относится к людям, среди которых они живут. Они просто «оттягиваются», развлекаются, кто как может, а что ждет их завтра, они не знают! И самое страшное – не хотят знать! А завтра уже наступило. Мы уже живем в нереальном, продажном, гадком и очень кровавом мире! Безумие для нас стало нормой, бедность – гибелью, а совесть –

пороком! Об этом мало кто говорит, но это все понимают и чувствуют. Представь себе, я приезжаю в родное село, меня подлавливают на погосте, объясняются в любви и всю ночь имеют как надувную куклу... И когда я, обалдевшая от любовника, начинаю выяснять, кто он такой, мне говорят, что он – покойник, человек, которого нет. И этот ужас, это безумие. Я не знаю, как это назвать! Добирается до самых чистых мест России, где каждый таежный угол – живой Клондайк, любая болотина с черникой, голубикой, морошкой – остров спасения! Кстати, за килограмм морошки в Финляндии дают тридцать семь долларов. И весь этот ужас, мама, беспредел, у нас, в России, облюбованной бескорыстными русскими людьми!

– Bravo, bravo, Верушка! – неожиданно донеслось откуда-то издалека, со стороны кладбища. – Мы, русские, должны идти от солнца!

Вера вздрогнула, на несколько секунд замерла, а потом, поднявшись с постели, с каким-то болезненным недоумением посмотрела на мать.

– Мама, ты слышала?

– Чего?

– Его голос.

– Бог с тобой.

– Это он кричал!

– Кто?

– Покойник.

– Кто, кто?

– Иван, пришедший от Солнца. Тихо! – Вера прислушалась, распахнула окно. – Мама, это его голос. Он ждет меня, ждет!

Марья Лиственница только сейчас обратила внимание на припухлые синяки дочери, и глаза ее стали мокрыми.

– Дитячко мое беспризорное, горе мое. – Она почему-то сняла с плеч пуховую шаль и, повесив ее на спинку кровати, стала раздеваться.

Слезы стекали с ее обветренного лица, и глаза горели, как светящиеся во тьме звезды.

– Мамочка, ты хочешь лечь рядом?

– Успокойся, дочка... – Марья Лиственница сняла желтую кофточку, так же повесила ее на спинку кровати и разделась совсем. – Чадо мое распутное. Неужели ты вся в мать? Иди ко мне. Я хочу обнять тебя изо всех сил. – Она опустилась на кровать дочери как подстреленная птица и, раскинув уставшие за день руки, словно журавлиные крылья, крепко прижалась к своему драгоценному чаду. – Верушка, моя единственная доченька. Ты слышишь, как бьется мое сердце?

– Слышу, мамочка, слышу..

– Ты уже взрослая, дитя мое, но ветер в голове, словно злой шатун, не дает тебе покоя. Я догадываюсь, чем ты занимаешься в Москве. Но в этом и моя вина. Мне горько об этом говорить, но что поделаешь. У каждого своя судьба. Может, тебя не следовало отпускать в Москву, но ты бы все равно

уехала. Ты кукушкой стала, Верочка. Ты отравленная деньгами кукушка.

– Мамочка, я тебя не совсем понимаю...

Марья Лиственница еще крепче прижала дочь, словно сосновую лучинку, от которой зависит, разгорится огонь в спасительном костре или погаснет, а потом сказала шепотом:

– По зоологии, дочка, ты получала только «тройки». Может, после Москвы у тебя и зоология совсем другая стала. Может быть, такие, как ты, и учебники заново переписывают. Ты совесть потеряла, стыд, честь.

– Мамочка, ты о чем?!

– В чудеса и в призрачные кошмары я не верю, дочка. Но я, как мать твоя родная, как опытная родительница, сердцем чувую, что после Москвы, а может, после кладбища, с тобой произошло что-то. Глаза и щеки, может, от водки горят, а вот руки, ноги, губы. вздулись отчего? И рассуждения твои сильно изменились. Что с тобой?

– Не знаю, мама.

– Неужто ты и в самом деле отдалась ему?

– Кому ему?

– Покойнику.

– Может, я схожу с ума. Мне жутко, мама! Горько внутри, больно, страшно... – Вера неожиданно сбросила ватное одеяло и, подойдя к окну, распахнула его.

– Ва-а-а-а-ня! Я хочу видеть тебя, – иступленно закричала она.

И в ее голосе Марья Лиственница услышала такую боль, такую жуткую тоску по настоящей бескорыстной любви, что ей самой стало плохо, и она, уткнувшись в подушку, едва сдерживала себя изо всех сил, чтобы не разреветься еще раз.

– Ва-а-а-а-ня! Если ты живой, откликнись! Я хочу видеть тебя! – не успокаивалась Вера, продолжая кричать еще надрывней и жалобней. Но тихо было вокруг, сумрачно, и только ветвистая калина шумела под окном северными белоснежными цветами.

– Ты прости меня, мама. Ради бога, прости! – Вера опять легла на кровать и прижалась к матери. – Ваней его звали, Ваней. Так называл его приятель. А отчество его Петрович.

– Значит их было двое?!

– Да, мамочка, да! Утешь меня, хоть как-нибудь утешь!.. Мне жутко жить в этом мире, где нет ничего постоянного, надежного, искреннего, человеческого.

– Бедная моя девочка! Несчастливая моя кровинка!

– Он обещал, мама, взять меня в свое солнечное суземье, в свой таежный рай, и клялся, что будет жить ради меня.

И Марья Лиственница вновь обняла свое чадо и, уткнувшись головой в грудь Веры, вдруг не выдержала и тихо, сквозь слезы, застонала.

– Беда пришла к тебе, дочка, беда!.. Вот ведь напасть какая, эта безжалостная любовь! Дочка моя, если все то, что произошло на кладбище, не твой наркотический бред, не твоя взбалмошная фантазия, ты влюбилась!.. Очень сильно

влюбилась! Вероятно, ты сама не заметила, как его душа в твою душу пролезла. Я чувствую это по твоему болезненно-му голосу, движению воспаленных глаз, сердцебиению. Говорила тебе, не ходи туда, не ходи. – Марья Лиственница опять застонала, а потом вновь заплакала.

– Мамочка, на кладбище я познакомилась с Юрой... Я любила его. Но он меня не дождался. Прости меня, мама! Ты как всегда права. Ну, не плачь, мамочка, не плачь. – Вера уткнулась заплаканным лицом в разгоряченную грудь матери и тоже застонала. – А теперь этот сумасшедший Иван из головы не выходит, как Юра когда-то! С виду он вылитый бандит-уголовник, но такой необыкновенный, такой искренний, нежный, что я сразу растерялась, а потом.

Вера опять поднялась с постели, ласково поцеловала мать, словно она была ее школьной подругой, и опять распахнула окно.

– Мама, если бы ты знала, какой он страстный, чуткий мужчина! На уме у него не деньги и всякая бытовуха, в виде тряпок и тачек. А наша бедная Земля, звезды, Вселенная. Он говорит, что пришел от Солнца, чтобы спасти этот развратный, обалдевший от денег мир! И он сможет это сделать, потому что ему доступны планеты, звезды, сияющие галактики, – словом, все то, что очень далеко от нас, но влияет на нас со страшной силой. Он знает, мама, жизнь другого разума, другого блаженства, другой страсти. Он обещал увести меня туда, где нет ненависти, продажного секса, лжи, воров-

ства, рабства, в мир других солнечных измерений.

– Ва-а-а-а-ня! – опять не выдержала и закричала она что есть мочи, никак не веря в то, что его нет. – Я хочу-у-у видеть тебя! Я знаю, что ты живой!

– Перестань, дочка! Перестань! Выпей морса и ложись спать, – пыталась остановить ее Лиственница, но Вера словно не слышала ее слов.

Она смотрела куда-то в даль вечерних сумерек, на вспыхивающие в небе еле заметные звезды, и лицо ее светилось сейчас не от подаренной безрукавки, а от надежды на то, что он жив.

– Успокойся, Верочка, тебе надо отдохнуть. Прошу тебя, ангел мой, успокойся, и баю-баюшки.

– Мамочка моя ненаглядная, как я могу успокоиться, если я слышала его голос? – почти шептала Вера, стряхивая с лица слезы. – Он ждет меня.

– Солнышко мое, это ветер поет на живых деревьях, так же, как птицы и все живое весной! – настойчиво успокаивала ее мать.

– Неужели мне показалось?! Нет! Нет! Его голос не похож на шум ветра... Скорее, на крик журавля или на стон подраненного лебедя.

– Горюшко мое слезное. Если ты будешь и впредь все время думать о нем, то скоро попадешь в «психушку». – Марья закрыла глаза, вероятно пытаясь остановить ту жуткую боль, которая вырывалась из ее груди. Ей хотелось ничего не

слышать сейчас об Иване и ни о чем не думать, потому что Ивана Петровича Кузнецова она знала больше, чем своего единственного супруга. Но остановить обезумевшую дочь, по всей вероятности, было уже невозможно, так же, как нельзя было остановить ту безответную тайную любовь, которую испытывала Лиственница к Ивану вот уже двадцать лет. И сейчас ей было больно и горько слушать все теплые, восторженные слова в адрес Ивана, тем более говорила их не какая-то посторонняя женщина, а родная дочь. «Какая жестокая и до боли непредсказуемая жизнь грешного человека, – размышляла она, лежа на кровати, сделанной еще в позапрошлом веке соловецким монахом. – Неужели пришла расплата за все то, что я позволяла себе в молодости? Ведь я и сейчас не могу сказать определенно, как на духу, от кого родилось это дерзкое, немислимое создание с таким чутким и горячим сердцем? Ведь я уже тогда была замужем за Мишей, когда родилась Вера, но продолжала встречаться с Иваном Петровичем».

– Мама, а мать Ивана жива? – оборвала ее мысли Вера и опять легла на кровать.

Лиственница не шевелилась и не открывала глаз. Ей почему-то так страшно, так невыносимо захотелось побыть одной, и не только не слышать, но и не видеть дочь, тем более переживать за нее.

Ей даже показалось, словно кольнуло где-то в сердце, что рядом с ней лежит вовсе не ее любимая, родная дочь, а ка-

кая-то совсем незнакомая приبلудная женщина, и эта женщина старается изо всех сил отнять у нее Ивана.

– Мама, тебе плохо? – в тревоге спросила Вера и, не получив ответа, опять повторила вопрос: – Мама, ты плачешь?

– Как видишь, радость моя ненаглядная, хорошая моя, загуленная. – Лиственница открыла глаза и, словно не видя и не слыша дочери, обвела взглядом сначала потолок, по которому расхаживал паук-крестовик, видимо готовясь к весенней охоте, потом посмотрела в окно, на небо. Смотреть на небо ее научил Иван. «Лучше один раз посмотреть на небо, – всегда говорил он, – и почувствовать его простор, свободу, чем сотню раз услышать церковные обещания манны небесной». Небо сказочное. Словно на заливном туманном лугу кто-то рассыпал тысячи васильков, и каждый василек стал той желанной звездочкой, которая манила к себе, тревожила своей неразгаданной небесной тайной, звала к жизни, блаженству, неге... Лиственница даже не заметила, как из-за калины, прислонившейся к окну редкими рогатыми ветками, выкатилась желтая, похожая на переспелую морошку, луна. Она осветила всю комнату, бросая на выгоревшие обои тени от калины, и комната покачивалась от причудливых дрожащих теней.

«Скоро ночь, – подумала Лиственница. – Неужели Вера опять пойдет на кладбище?» Она вдруг вспомнила, как в юности познакомилась с Иваном. Осталась в памяти изба без электричества, впрочем, как и вся деревня, потому что

слишком глубоко забрели люди, скрываясь в топких непроходимых местах от татарского ига, крепостного права, революций и тех поработителей, которые толком не знали и сейчас, наверно, не знают, что такое земля-кормилица, Россия, любовь, верность, братство, но законы выдумывали и выдумывают, как будто щелкают орехи, и, придя к власти, учат смирению и покаянию.

«Дивное и дикое было место, – подумала Марья и перекрестилась, – а Иван тих и печален, как болотный вереск среди подружек своих, лиственниц и березок. Его руки и губы пахли ладаном и олонецким воском. А глаза горели тем светом, который знают только бойкие охотники, преследуя подраненного волка-вожака. Столько таилось в них вселенского прощенья за чрезмерную жестокость и столько же неизмеримой ненависти за все подлое и безрассудное на земле. Когда он целовал ее, то плакал как ребенок, а когда с неискушенным трепетом укладывал ее в сено на поветях, то безумствовал и стонал, как смертельно раненный лось. Она вдруг почувствовала горячие цепкие руки, которые обжигали ее тело до самого доньшка, до самой глубины ее женских тайн, и от этого стало сладко на душе, блаженно удивительно. Она тогда верила и надеялась, что будет так всегда Иван и она рядом, вместе, до гробовой доски. Но такова, наверно, печаль жизни, – размышляла она. – Кто сразу обжигает безумной любовью, тот и стораает, как береста на ветру, в одночасье, оставляя после себя горькую радость в памяти и жуткую, ни

с чем не сравнимую, боль в сердце... И все оттого, что это никогда больше не повторится». Оборвав свои мысли, Марья Лиственница долго смотрела на луну, потом на тень от калины и вдруг в углу комнаты разглядела то, что сразу насторожило ее и взволновало еще больше. В углу на светлых обоях она внезапно обнаружила тень любимого, до боли знакомого человека. Среди других теней эта сразу бросилась в глаза. Лиственница чуть было не вскрикнула от удивления, но женское чутье остановило ее. Она только зарделась от волнения, словно в глубине комнаты увидела живого Христа, а потом перевела дыхание и процедила сквозь зубы: «Бог ты мой! Неужто драгоценное солнышко забрело в наш дом?..»

– Мама, ты что, бредишь? – насторожилась Вера и, подняв голову, тоже посмотрела на небо. – Где солнце? Луна в окне. Тебе плохо?

– Да, моя распутная прелесть. Особенно сейчас, когда мы вместе. Я не верная супругу жена и ты, моя гулящая дочь. Неужели нам придется делить драгоценное солнце одно на двоих?!

«И на всех остальных, идущих от Солнца и к нему..» – вновь донеслось откуда-то издалека, из глубины весенних ветров и разливов.

Вера вздрогнула, поднялась с постели и снова подошла к окну.

– Мама, ты слышала? Это опять его голос!

– Это тебе кажется, дочка... Когда мне было столько же

лет, сколько тебе сейчас, мне тоже много чего казалось, чудилось. И снились невероятные сны. Мне даже мерещилось, что сам Иисус Христос зовет меня на свидание и хочет обвенчаться со мной, и не где-нибудь, а на святом Афоне, среди умудренных апостолов и церковного благовония.

– Я хочу верить тебе, мамочка, но ты мне так и не сказала, жива у него мать или нет? Ну что ты молчишь?

– Ты боль моя, дочка, и беда, – тихо прошептала Лиственница через силу, через какую-то жуткую грусть, не отводя глаз и пристально вглядываясь в застывшую на стене тень Ивана. – Выслушай меня и пойми. Может, еще не поздно. Ты совершила страшную, роковую ошибку..

– Какую, мама?

– Не перебивай. Эта ошибка разрушит тебя, приведет к беде или даже к гибели. Ты рассталась с тем, что заложено в тебе! Помнишь, в шестом классе ты бегала в барак на окраину поселка. Там, в коридоре коммуналки, вы разыгрывали со сверстниками различные сцены, читали стихи, водили хороводы. Помнишь, я тебе еще старые мешки из-под картошки давала для занавес. Тогда у тебя появилась мечта стать учительницей или актрисой. Сначала мы с Мишей посмеивались над твоей детской фантазией, но, когда после школы ты поехала в Москву и поступила в театральную академию, мы сначала обалдели, а потом изо всех сил помогали тебе. Почему ты бросила учебу? Ведь ты выдержала невероятный конкурс! Значит, за что-то могла зацепиться и работать над

тем, что дал Бог.

«Идущий от Солнца!» – опять донеслось откуда-то из далека, со стороны кладбища.

– Мама?! Неужели мне вновь почудилось?

– Не перебивай меня! Многие из твоих сверстников с ума сходят, чтобы попасть в театральную академию! Идут на всякие уловки, хитрости, чтобы зацепиться и получить образование в престижном месте. А ты что сделал?! Бросила академию, о которой многие мечтают, и пустилась на поиски... Чего?!

– Мамочка! Меня выгнали.

– За что?!

– За профнепригодность...

– Сейчас, после твоего похода на кладбище, я стала догадываться, за что тебя выгнали! Профнепригодность – отписка. Причина совсем другая.

– Какая же?

– Тебя выгнали за твое легкомысленное безволие, женскую слабость. В любом ремесле, а тем более в актерском, надо упорствовать, напрягаться, отдавать себя только этому ремеслу. Ты, по всей видимости, стала крутить романы, и, вероятно, не только со студентами, но и с педагогами.

– Ну и что?! Одно другому не мешает.

– Вот видишь, – сразу повысила голос Лиственница. – Мешает, да еще как мешает! Поверь мне, родной матери. Вместо того, чтобы учить роли, читать классику, ты развлекалась

и жила мимолетными наслаждениями! Теперь я уверена в этом. Ты посмотри на свое тело. На нем нет ни одного живого места! Что тебе поставили за первый семестр по литературе?

– «Неуд».

– А по истории?

– Тоже «неуд».

– Ты разменяла себя, дочка! Ты разбросала свои силы по чужим постелям и подушкам! Ты не поняла, что главное для профессиональной актрисы – мастерство! А для этого надо учиться каждый день! Я это знаю, потому что, как только ты поступила в академию, я перечитала много книг по актерскому мастерству и поняла – это титанический труд. лошадиное здоровье и поиск тонких переживаний, которые касаются прежде всего не ума, а сердца. О каких переживаниях можешь ты говорить, что ты можешь дать людям, если кожа на твоём теле, как африканский порнографический журнал! Переживание актрисы за своих героев требует много сил. Это необходимо.

– Какая ты умная, мамочка, хотя слишком старомодная. Картинки на моих бедрах похожи на порнографию, но это не то – это кинозвезды из журнала «Плейбой». Ты слышала о таком журнале?

– Слышала...

– Я подрабатывала в нем после академии.

– А вот здесь у меня, чуть повыше лобка, фрагмент из журнала «Барбекю». Ты знаешь, что это такое?

– Нет.

– Это шашлык африканского происхождения. Вот здесь ты права – он из Африки. Но ты посмотри, какой красивый шашлык!

– Не надо, не прогибайся и не показывай. Я шашлыки не ем.

– А я – ем, и очень люблю их, потому что в журнале «Барбекю» у меня есть богатые друзья, которые всегда выручат, защитят.

– Наверно, мужчины?..

– Да, мужчины, мамочка. И не делай такое мрачное, озлобленное лицо. Мужчины очень любят вкусное и молодое «Бербекю» в нежном ароматном соусе. Их любовь спасла мне жизнь, открыла глаза. Ты знаешь, мамочка, тех денег, которые вы посылали с папкой каждый месяц, мне хватало только на один завтрак. Сначала я даже плакала от горя: почему у меня такие бедные родители! Но потом поняла, в чем «фишка». Мне даже жалко стало вас. И тебя, и папку, и бабушку, и дедушку, и двоюродного дядю, и многих других людей, похожих на вас. Ведь вы в жизни ничего не добились! Как жили в деревянных домах, так и жить будете, как выучились – папка на лесника, а ты на зоотехника, так и остались. до глубокой старости. Вы бедные, сильно обнищавшие русские люди. Вы никому не нужны, потому что вы не лидеры, да и сбережений у вас нет. Если вы серьезно заболете, то денег на лекарства у вас тоже нет. А если, не дай бог, на

вас нападут бандиты, то вас никто не будет защищать, потому что вы, опять же, бедные русские люди. Мне вас очень и очень жалко.

– Не надо нас жалеть, дочка. Не надо! – Марья Лиственница поднялась с постели и, разбросав по сторонам густые, никогда не крашенные волосы пшенично-серебристого цвета, подошла к окну и грациозно, словно она распахивала занавес Кремлевского дворца, раскрыла окно.

– Ты слышишь, пророк?! Она даже жалеет нас. Она считает нас очень бедными, несчастными людьми, которые в жизни ничего не добились! Она думает, что ее богатые друзья защитят ее от бандитов, а нас с тобой защищать никто не будет!

– Мама, ты что, с ума сошла?! С кем ты разговариваешь?

– С Богом, дочка! С твоим и моим Богом. Если он здесь, с нами, то он услышит мои молитвы и твои печальные, очень жестокие слова. – Лиственница закрыла окно, набросила на грудь пуховую шаль и, пряча свое красивое тело, то ли от ночной прохлады, то ли от вездесущего Ивана, дрожащими от волнения руками взяла графин с водкой, который стоял тут же на табурете возле кровати, и, налив полный стакан, выпила его залпом.

– Да, да, мамочка, – продолжала Вера изливать свою душу. – Нынче защищают тех, кто располагает определенным капиталом, и водка тут не поможет. А я, мамочка, сумею себя защитить, потому что у меня есть деньги и кое-какие бо-

гатые друзья... Кстати, мой кейс ты надежно спрятала?

– Да, дочка, не беспокойся. И какие у тебя друзья, милая моя крошка?

– Богатые.

– Это я уже слышала.

– Об этом я могу говорить тысячу раз, потому что это сейчас для меня самое главное. Так вот, мои друзья, пусть их очень мало, но они очень творческие люди. По радио и по телевидению их даже называют гениальными.

– И в чем проявляется их гениальность?

– Они упростили многие моменты творческой деятельности. Творчество, общепринятое мировыми стандартами, – это не только мысли, фантазия, мощная энергия духа, но еще и то, что самому великому ученому-прагматику и в голову не придет, потому что он связан рамками цифр, теорем, аксиом и грудой всяких других условностей. А творец свободен как ветер... Так вот, мои гениальные друзья доказали, что Александр Пушкин был не прав. Гений может быть кем угодно, и в условиях нашего рынка гений и злодейство даже очень хорошо совместимы. Когда есть спрос, то совесть, стыд, жалость, справедливость и прочие атавизмы только вредят. И совсем неважно, на кого похож гений, на Моцарта, на Сальери, на Березовского, на Чикатило, на Сталина или Гитлера. Короче, они убеждены в том, что и театр, и литература, и кино, и эстрада, и даже искусство церковного хора теперь объединяет одно, самое великое, самое главное искусство...

– Ну что ты мнешься? Говори!..

– Мама, тебе не понравится это выражение. Но я обязана сказать об этом, чтобы ты поняла, почему я ушла из театральной академии. Правда, это искусство поглотило многие другие прекрасные виды искусства, но оно самое великое теперь, самое востребованное и, может быть, вечное и удивительней любой симфонии Моцарта, ведь ради него я и приехала к себе на родину. Конечно, я соскучилась по тебе и папке, это само собой, но главное – оно, это великое, мое единственное, неповторимое. Как оно, думаешь, называется?

– Я не знаю, но думаю, что это опять какой-нибудь Макаревич или «Глюкоза» или еще какая-нибудь фигня с глупыми прибабасами и мощным, почти клиническим отсутствием всякого содержания. Ты можешь сказать коротко, как оно называется? – Марья Лиственница глянула в глубину пристройки и заметила, что тень Ивана Петровича сильно задрожала и увеличилась.

«У моего Солнца возрастает любопытство к нашему разговору, – почему-то подумала она. – Но я, к сожалению, очень слабо разбираюсь в разновидностях искусства моей дочери».

– А я, мама, знаю, как называется самое главное искусство, и буду теперь заниматься им каждый день. Одним словом его не назовешь. Но в чем суть его, я тебе скажу.

– В чем?

– В самом, казалось бы, простом. Но в этой простоте пря-

чется гениальная мысль. Короче, мамочка, я приехала сюда с большим капиталом в надежде на то, что среди местных лабухов и простофиль мне удастся раскрутить беспроектный бизнес.

– И чем ты думаешь занять своих лабухов и простофиль?

– Производством мебели из местного леса.

– Ты опоздала, дочка, потому что такая контора в нашей деревне уже есть. Это во-первых. А во-вторых, здешний лес теперь продается только с аукциона. Ложись спать, дочка, иначе тебе еще что-нибудь в голову придет или причудится. Выпей таблетку, которая у папки в оружейном ящике лежит, и спать ложись. Слушайся родную мать, как много лет назад. И прости меня за прямоту, но в столице ты совсем не поумнела... Иди, иди, горюшко мое, за таблетками, баюшки.

Лиственница взяла дочь за руку и, подняв ее с постели, долго смотрела в обалдевшие, воспаленные глаза дочери. – Если ты считаешь, что Иван жив, и сердцем это чувствуешь, то так оно и будет. В нашем роду сердце еще никого не подводило. Но запомни, доченька, любить Ивана все равно, что любить солнце, каким бы оно ни было огненным или ледяным. Лучше сгореть с ним, чем тлеть весь век, не ведая смысла жизни.

– Мама, а в его жизни есть смысл?!

– Еще какой! Сердце надо иметь, душу, целовать землю, на которой родилась. Ты тогда, может быть, и поймешь смысл его жизни. Иди, дочка, иди.

Вера растерянно поднялась с кровати и, подойдя к окну, пристально посмотрела на луну и небо. Ее воспаленные глаза светились каким-то беспомощным удивлением, грустью.

– Мама, неужели его нет? – опять тихо спросила она и вновь перекрестилась. – Неужели все, что произошло на кладбище, – безумный сон или какой-то кошмар. Если это так, то я постепенно схожу с ума.

– Родная моя, ты просто влюбилась, и бесишься оттого, что человек, идущий от солнца, вскружил тебе голову, а потом позвал в мир, который тебе недоступен.

– А если доступен, мама?!

– Девочка моя, как ты похожа на свою мать, – задумчиво произнесла Лиственница, понимая, что существование недоступного мира волнует не только дочь, но многих людей. – Когда-то я тоже верила, что он есть, этот удивительный мир добра и света, но с годами, кроме седых волос, от него ничего не осталось... – Марья Лиственница тяжело вздохнула и на этот раз с какой-то безысходной болью посмотрела на тень Ивана Петровича. – Может, он и есть, дочка, но, чтобы прикоснуться к нему, требуется много страданий, терпения, воли, потому что взаимная любовь – очень мимолетное чувство, и чаще всего любовь, как ветер, дует с одной стороны, а тут надо с обеих, иначе, кроме седых волос, ничего не светит.

– Мамочка! Но я очень хочу попасть в этот блаженный и, наверное, удивительный мир, в котором живет Иван. Как мне кажется, он совсем другой, и в нем нет тех гадких отно-

шений, пороков, где все продается и покупается.

– Ты права. В этом мире любовь заменяет все. А любовь, дочка, искусство самое сложное, хотя и самое великое. Оно намного сложнее твоего, рыночного, где погоду делают совсем не люди.

Когда Вера из пристройки ушла в глубь рубленого дома, Лиственница сразу распахнула окно, и сердце ее сжалось.

Иван Петрович, печальный и растерянный, с бледным, как у распятого Иисуса, лицом, стоял прямо перед окном и плакал.

– Маша, Маша, – еле слышно шептал он. – Ты не знаешь, как я счастлив. Ты поняла, что Вера любит меня и, наверно, будет ждать от меня ребеночка.

От этих слов Марья Лиственница сразу покраснела, глаза сделались безумными, и сознание ее помутилось. Ее разгоряченные груди, которые только что наливались брусничным соком, при одной мысли, что Иван рядом, быстро начали холодеть, и она едва-едва сдерживала навернувшиеся слезы.

В ответ на его признание ей хотелось выговорить что-то колкое, резкое, даже оскорбительное, но она все-таки сдержала себя.

– Ваня, ты пойми, что Вера – моя дочь, – с отчаяньем, даже с какой-то трепетной, безысходной лаской вырвалось из ее сердца. – Я, мой милый, могу не разрешить тебе пользоваться ее расположением. Ты сильно вскружил ей голову, но это еще не значит, что она будет твоей. Ваня, ты слышишь

меня?

Но Иван Петрович как будто не слышал и не видел Марью Лиственницу.

– Маша, я люблю Веру, – продолжал он. – Она будет счастлива со мной, потому что ее любовь бескорыстна и такая же сумасшедшая, как моя! Ты прости, но сейчас мне не до рассуждений... Мне надо как можно скорей бежать на кладбище и встретить ее букетом полевых цветов. Иначе я потеряю ее. Пойми, Мария, ей нужен другой мир. другие человеческие отношения. Ведь она у тебя, чего греха таить, девушка странного поведения. – Он вдруг замолчал, как будто его что-то обожгло внутри, и стал говорить с жалостью, с каким-то чутким, печальным состраданием. – Проститутка она, твоя Вера, женщина, торгующая телом, которое пропитано силиконом, французскими духами, наркотой. Это ужасно! Это не по-христиански и не по-русски. Даже язычницы не торговали своими чувствами, приберегая их для того единственного, которому принадлежало их сердце! – Он вдруг опять замолчал, задумался, а потом стал говорить с еще большим состраданием. – Духовный развал, безнравственность съедают Россию. И это все оттого, Маша, что корни ее тонут в бесовщине, мракобесии, жестокой борьбе за власть! А теперь и в рабском поклонении Западу, да ценным бумажкам, которыми оправдывается поведение любой гниды. Есть деньги у гниды – она царь и бог. А если нет, то она жалуется всем. мол, и гнидой ее зовут, потому что без денег

она. И перебирается эта гнида от одного банка к другому, забыв о том, что для русского человека, с его бескрайними богатствами земли, недр ее, даром Божиим, любая ценная бумажка – фуфло, грязь, сладкий обман для тех, кто глух к своей земле, равнодушен, но очень хочет властвовать над нею, выжимать из нее любые соки в виде газа, нефти, золота. Но прости, Маша, если деньги у гниды появятся, то все равно она останется гнидой. Извини, друг мой сердешный, сейчас не время для дискуссий. Но твоя дочь задела меня за живое, и я буду стараться изо всех сил отвести ее от греховной жизни.

– Ваня, ты издеваешься надо мной. Ты видишь на мне только крест и глаза, полные слез. Прошу тебя, Христа ради, оставь мою дочь! Она хоть и смышленная, и крутая, но все еще ребенок... – на этих словах Лиственница, так же, как Иван, задохнулась, как будто грудь ее сдавила невыносимая боль, потом немного помолчала и, пристально вглядываясь в глаза Ивана, сказала: – Ты прав, Ваня, прав! Вера стала проституткой, профессиональной проституткой нового поколения. Ей все равно с кем! Главное – как и за сколько! Она, Ваня, стала падшей женщиной со страшными сексуальными отклонениями! Ее спасти надо, Ваня! Лечить! Иначе.

– Я спасу ее, Маша. Я знаю, что делать с ней. Я построю для нее рубленый терем из рудовой сосны, осиновою баню с предбанником из можжевельника и буду ей рассказывать о будущем нашей Вселенной и, конечно, о том, что ждет

Россию. Со мной она узнает другой мир, другие ощущения, другую философию, другую любовь. Я познакомлю ее с прекрасными людьми, которые восхитятся ее красотой, женственностью, лаской, и никто из них не потащит ее в постель. А потом, Маша, она родит мне сказочного богатыря.

– Замолчи! – Лиственница вдруг соскочила с окна и, воспользовавшись своей наготой, сначала обняла Ивана, а потом прильнула к его губам. – Солнце мое пропащее! Ласка моя весенняя!.. – почти простонала она и, сгорая от накопившейся страсти, расстегнула его рубашку. – Я тебя никому не отдам. Даже своей единственной дочери! Ты спасение мое! – Она еще нежнее прильнула к его бледным, воспаленным губам, как будто это были не губы, а еще не совсем зрелая, но уже пьянящая до одури ягода лесной земляники. И жадно всасывала его губы до тех пор, пока горечь его слез не стала сладкой и дрожание от счастья руки не потянулись к ее возбужденным бедрам.

– Маша, прости меня, но я не к тебе пришел, – растерянно прошептал он. – Ты знаешь меня, я не люблю лгать. Как это ни печально, не к тебе.

– Замолчи! – Лиственница упала Ивану в ноги, и было слышно, как ее красивое разгоряченное тело словно обожгло траву возбужденной грудью, наполненной в это мгновение неистовым теплом любви. – Как ты можешь так говорить, друг мой, вечность моя?! Неужели ты совсем не любишь меня? Ты пойми, Ваня, и серьезно отнесись к этому. Не исклю-

чена вероятность, что Вера, а это, наверное, так и есть... Я тебе никогда не говорила.

– Маша, что с тобой?! Почему ты вдруг замолчала?

– Мне трудно говорить про это сейчас. Но лучше сейчас сказать, чем потом.

– Да говори же, что ты молчишь?!

– Ваня, милый мой, любимый и очень дорогой мне человек. Моя распутная, как ты называешь ее, Верушка.

– Ну, ну..

– Может быть, твоя кровная дочь.

– Ты с ума сошла, Маша!

– Да! Да! – почти выкрикнула Лиственница. – Твоя Верушка, которую ты очень любишь и от которой ты хочешь иметь роскошного богатыря, может быть, твоя кровная дочь!

– Не кричи, Марья. Тебе будет еще хуже, если твой Миша услышит.

– Миша за лосями ушел на неделю.

– Все равно, закрой окно. Я не хочу, чтобы Верушка слышала нас.

Лиственница медленно поднялась на ноги и неторопливо закрыла окно снаружи. Между ними возникло какое-то неловкое молчание.

Она сразу почувствовала это и, стараясь отвести беду, вновь потянулась к Ивану всем телом. Оборвав невыносимое молчание, она почти в исступлении припала своими разгоряченными губами к его оторопевшим губам и вдруг, не

помня себя от счастья и неги, прошептала своему любимому те самые бескорыстные слова, которые звенели в его ушах вот уже двадцать лет подряд.

– Ваня, целуй меня, целуй, иначе я потеряю тебя. Любовь свою потеряю. А ты потеряешь все! Волю, заботу мою, женщину, которая боготворит тебя, как Солнце, как мечту, как Иисуса Христа, – вдруг еще тише заговорила она, словно предчувствуя какую-то новую беду. – Ты видишь, даже любимая дочь встала на нашем пути. Мне жаль тебя, Ваня, как родного брата, как человека, знающего, в чем смысл жизни... Ты слышал, что следователи опять зачастили на твою могилу..

– Не может быть?!

– Неужто дьявол, как и Всевышний, бессмертен?! Кто-то видел тебя живым и сообщил куда следует. Не забывай, Ваня, что тебя нет на этой грешной земле. Нет!!! Березовские, Абрамовичи, Перекуповичи и прочие баксоугодники есть, а тебя нет! И так будет продолжаться до тех пор, пока мы не достанем для тебя паспорт с двойным гражданством. Если вскроют твою могилу и узнают, что в ней не ты, беды не оберешься. Нехристи посадили тебя за правду, они и ловить будут, потому что боятся света правды твоей, мудрости твоих мыслей, любви твоей к земле, на которой ты вырос и правду научился говорить. Неужели нас опять разлучат?! – Лиственница нежным, еле заметным движением разгоряченных губ опять припала к его губам и, обняв своего любимого, осто-

рожно потянула на теплую, нагретую весенним солнцем землю. – Жуткий рок навис, Ваня, не только над тобой, но и над всей Россией, – сквозь слезы шептала она. – «Законопослушные» мошенники да гадкие перекупщики процветают на каждом шагу... Православному человеку, верящему в честный труд, житья нет! Я, Ваня, готова идти за тобой куда угодно, хоть в Сибирь, хоть в тундру, хоть на край света, потому что ты для меня луч солнца. Они, Ваня, хотят отнять у нас все. совесть, искренность, правду, братство, а главное – отнять Россию, повесив на наши уши лапшу виртуального мира, где роскошь есть, жратва есть, баксы есть, а совести нет! А как, Ваня, русскому человеку жить без совести?!

– Машенька, ты совсем раздетая, к ночи заметно похолодало, – произнес Иван, чувствуя, что подруга увлекает его на скошенную под окном траву. – Неужели тебе не холодно?

– Мне жарко, Ваня. Я тоже счастлива, когда ты рядом. И зря ты, Ваня, отдал золотую безрукавку моей дочери. Она не поймет ее целительной силы и тебя не поймет..

– Ты так думаешь?

– Нынче голова ее забита таким искусством, от которого и тебе и мне мало не покажется. Иди ко мне, милый мой, родной мой, звездочка моя негаснущая... Я хочу ласкать тебя, как и прежде, прямо на траве среди цветов.

– Да, да, Маша, я тебя понимаю. Но ты прости, родная моя, мое безумное сердце. Твоя дочь, словно весенняя ласточка, влетела в мою душу... Я весь день, Машенька, места

не нахожу, потому и пришел к ней.

– Значит, миленький мой, к ней пришел, к ней! А то, что я почти каждый день сушу лекарственные травы и езжу за аккумуляторами для твоей небесной обсерватории! Кто тебе помогает, чтобы звезды не погасли в твоей душе?! Чтобы ты был всегда сыт и не зарыл свой талант?! Не торопись, Ваня. Не спеши. Со временем ты сам поймешь, что к чему и нужна ли тебе Вера. Ты слышал, что начальник той зоны, где ты сидел последний раз, арестован?

– Знаю, Маша. И то, что срок усопшего, похороненного вместо меня, отбывает человек по фамилии Распутин, тоже знаю. В мире, где главное – деньги, человека бросают на кон и тасуют, как засаленные карты.

– Наверное, поэтому, Ваня, твоя свобода стала рабством. Может, бедолагой, которого похоронили вместо тебя, кто-то заинтересовался и вдруг узнал, что вместо него в тюрьме сидит другой человек.

– Этого я не знаю. Одно скажу: начальник зоны, как родной отец, отнесся ко мне. Белье новое дал, обувь на меху из офицерского снаряжения и три целебные безрукавки с золотой ниткой.

– Вот они откуда!

– Его тоже интересовали звезды, космос, новые открытия умных людей. А ему эти безрукавки подарил один вор в законе, специалист по нанотехнологии международного класса. Начальник так и сказал мне, когда на свободу выпускал:

«Возьми эти рубашки, звездочет. Они тебе очень пригодятся, когда будут бить, преследовать за любовь к России, как пахана, как изгоя, как экстремиста». Он, словно чайку, выпустил меня на свободу. И был уверен, что я не «расколуюсь». Даже денег дал на первые два месяца. Лети, говорит, как чайка, попутного ветра тебе.

– Что же ты, Ваня, хотя бы волчий паспорт у него выпросил... Ведь только один Бог да я знаем, что ты живешь на земле.

– Просил, Машенька. Но в этом он отказал.

– Обними меня, Ваня, крепко, обними, – еле слышно вдруг прошептала Лиственница, почувствовав, что Иван бесконечно благодарен ей за ее сострадание к нему и за ту нежную страсть, не гаснущую на протяжении двадцати лет. В этот счастливый момент столько печали было в ее добрых деревенских глазах, столько искренней, почти детской радости, что Ивану даже как-то неловко стало, ведь он пришел не к ней, а к ее дочери. Он, словно загипнотизированный, сразу обмяк, разнежился и крепко прижал свою давнюю подругу, которая и в самом деле пахла смолой и душистыми ароматами северной лиственницы. В эти минуты он, как ребенок, радовался своей свободе и тому, что он кому-то еще нужен. Ему сейчас не хотелось думать о том, что в любую минуту его могут забрать и посадить еще раз на третий срок.

Сильный раскат грома на несколько мгновений оборвал его блаженные мысли и те необъяснимые нежные чувства,

которые он когда-то испытывал к Марье Лиственнице. Конечно, они с годами притупились, словно растаяли в заботах и ласках Марьи. Но сейчас он вдруг понял, что они вновь, словно весенние невидимые огоньки, растревожили его сердце и понесли бог знает куда. «Может быть, это оттого, – кольнуло его где-то внутри, – что Вера кровная дочь Маши, и то, что когда-то было в Лиственнице и с годами исчезло в ней, теперь с удвоенной силой, с удвоенной энергией проявилось у ее дочери».

Сердце словно обманулось любовной иллюзией, уже знакомой, но сильно омоложенной страстью, казалось бы, совсем другой женщины, но, как и прежде, очень близкой по духу, ощущениям. И новое, более сильное блаженство и какая-то неистовая, почти дикая физическая страсть вдруг охватила его душу. «Может, весна на дворе?» – подумал он, чувствуя, что ноги его подкашиваются от головокружительной радости, которую он испытывал к Марье много лет назад. «Может, от белых ночей в сердце такая ни с чем не сравнимая тоска по новым ощущениям и огромное желание совсем другой, еще нераскрытой женской тайны?» – опять подумал он, и сердце его наполнилось еще большей радостью.

– Ты прости меня, Маша, но мне надо идти, – прошептал Иван, как только дверь в избе сильно скрипнула и послышались шаги Веры. – Я буду ждать ее на кладбище.

Вера не обнаружила в комнате своей любимой матушки. Сердце ее замерло. Она и так уже была потрясена появлени-

ем Ивана, и потому все, что происходило с ней после знакомства с его могилой, становилось теперь каким-то странным головокружительным сном.

Она оглядела комнату, потом кровать, на спинке которой все так же висело матушкино белье. Даже туфли родительницы остались в том же положении. Но матери в комнате не было.

«Ведь она совсем голая, – сразу спохватилась Вера, почуввав что-то неладное. – Куда она могла исчезнуть?!» – С какой-то детской смутной тревогой Вера растерянно подошла к окну и, распахнув его, застыла в недоумении.

Под старой, сильно покосившейся калиной, прямо на траве, словно Венера Милосская, лежала ее обнаженная матушка и, тихо всхлипывая, шептала молитву. Где-то высоко в небе, над ее ошалевшим от обиды и недоумения заплаканным лицом, тянулись темные облака и рваные тучи.

Вера хотела броситься к матери, утешить ее, но, когда она увидела в ее беспомощной руке колдовскую мужскую рубашку с яркой золотой ниткой, точно такую же, какую подарил Иван, сердце ее сжалось. Она тяжело вздохнула, растерянно закрыла окно и, быстро одевшись во все нарядное, не теряя времени, поспешила на кладбище.

Она уже не сомневалась в том, что Иван жив, и в душе от этого было светло, радостно. Ей хотелось смеяться и плакать от одной мысли, что скоро она встретится с ним. И хотя они не виделись всего одни сутки, сердце сильно стучало, и

ей хотелось кричать от счастья. Ведь за эти странные сутки, похожие на вечность, она столько поняла в жизни, столько почувствовала, и душу ее теперь тревожило одно желание – как можно скорей попасть в тот мир, в ту счастливую иллюзию, которой живет он – человек, идущий от Солнца, и, конечно, его таежные друзья. «Может быть, его мир придуман, может, он не такой ухоженный и богатый, как ее благополучный и процветающий „элитный“ дом, – размышляла она, – но все равно он должен быть прекрасным, потому что к нему хочется прикоснуться, понять его, пусть даже только мыслями, пусть только фантазией или догадками... Ведь в нем живет человек с чистой, не подкупленной и не отравленной всякими мерзкими прибабасами совестью – совсем другой человек. И ей, одинокой Вере, он нужен, даже просто необходим, – размышляла она, – хотя бы для того, чтобы не сойти с ума от этой безумной действительности, от этого дикого животного маразма, наполнявшего ее жизнь такими „прелестями“, от которых хотелось стонать и реветь. – Сейчас у меня много денег, – размышляла она, – много тряпок и всякой электронной техники, но нет никакой гарантии, что завтра это сохранится, и тогда опять одна дорога – в „элитный“ дом. Может, с Ваней будет все иначе? – светилась в ее душе надежда. – Может, его, совсем другая, любовь сумеет изменить мою запутанную жизнь и поможет мне разобраться, что такое настоящее счастье, верность, взаимность».

Вера уже догадывалась, что Иван появится перед ней так

же внезапно, так же необычно, как и в первый раз, потому что на кладбище она видела его могильный крест и поняла, что он скрывается от многих людей и, наверное, от правосудия. Она была готова ко всему, лишь бы поскорее увидеть его.

Ей хотелось раскрыть перед ним самые сокровенные женские тайны, чтобы он стал еще нежнее и ласковее. Она уверяла, что от ее чуткой искренности он будет на седьмом небе. И она, так внезапно, так неожиданно влюбившаяся девушка, обязательно расскажет ему, почему после бессонной ночи с ним она стала совсем другой и от любви к нему в ее сердце проснулось необыкновенное чувство, дающее ей теперь столько ни с чем не сравнимой энергии, радости, блаженства.

Не помня себя от счастья, Вера почти пролетела больше километра скорым шагом и вдруг вспомнила, что забыла подтянуть свою хрупкую, слегка ноющую талию и привести в порядок воспаленные, заметно искусанные губы. «Боже! Я даже забыла в заиндедевшую грудь вогнать силиконовые наполнители!» Она замедлила шаг, хотела вернуться обратно в дом за шприцами, но часовня, сиявшая от луны на фоне фиолетового звездного неба, уже светилась вдалеке своими божественными красками и манила Веру, словно спасительная ворожея безнадежно грешную падшую женщину.

«Как хорошо, что я надела свое новое французское белье, которое так здорово пахнет альпийскими лугами и подтягивает фигуру», – переведя дыхание, подумала она и еще быст-

рее пошла в сторону кладбища.

У ворот кладбища Вера остановилась и, достав дамскую барсетку, огляделась по сторонам. Белые ночи постепенно набирали силу, но этой ночью было намного темнее, чем прошлой, потому что с юга двигались черные тучи и старая часовня, в которой давно не было службы, напоминала огромное безмолвное надгробье.

Вера достала из барсетки маленькое зеркальце в виде сердечка, потом крохотный японский фонарик и, глянув в зеркальце, не узнала себя.

В зеркале она увидела женщину, глаза которой излучали неиссякаемый яркий свет, как будто внутри их горели праздничные пасхальные свечи. А искусанные губы, – обратила она внимание, – хотя и не обработаны силиконом, но тоже словно горят в ночи.

«В Москве меня окружают люди, чтобы утолить свои сексуальные потребности или встречаются со мной ради штучных деловых тусовок, чтобы расслабиться по возможности и оттянуться, – опять почему-то подумала она, разглядывая свои глаза и губы. – Но сегодня я поняла, что там никто не любит меня и не ждет, прекрасно зная, что за паровозом я бегу в полном одиночестве. У меня нет другой опоры. Значит, человек, идущий от Солнца, мне просто необходим, как воздух, как свет, как сама жизнь. Ведь он предлагает мне свою любовь, свое сердце, в котором и страсть, и мощная энергия добра, радости, сострадания... А там, чего греха та-

ить, почти у всех на уме одно „бабло“ да процветание за счет обмана или жестокости, да еще под крышей праздного господства, лжепатриотизма, а иногда и христианства, дарующего блаженство и высоту духа при помощи дорогих освященных лакомств или немислимых жертвоприношений, а хуже того, под крышей тупых чиновников, стоящих у власти, с барскими замашками и цинизмом».

Вера выключила фонарик, хотя было уже довольно темно, холодно, и где-то вдали, несмотря на раннюю весну, горели сполохи северного сияния – предвестники стужи, заморозка. «Удивительно, даже забавно, – неожиданно прошептала она, разглядывая могилы. – Вчера здесь было намного светлее и приветливее, но я шарахалась из стороны в сторону и сторала от страха... А когда я увидела лохматых собак, сердце ушло в пятки. Сегодня намного темнее и жуткий холод стягивает лицо и руки, а мне нисколько не холодно, не страшно и даже празднично на душе. Мне даже кажется, что многие похороненные здесь люди наверняка живые. Только я не знаю, где они сейчас находятся и какому Богу молятся. Может, они, так же, как Иван, прячутся в таежных лесах и болотных львах по всей России от „элитных“ домов, рабства, жестокости. А почему они прячутся и почему любят родную землю больше, чем собственную жизнь, теперь я начинаю догадываться».

Иван ждал свою невесту на старой звоннице покосившейся колокольни, и, как ей казалось, одежда его, глаза, лицо,

руки светились всеми цветами радуги.

Сначала Вера увидела его белоснежную рубашку, потом загорелые руки с букетом полевых цветов, потом теплый вязанный жилет, такой же нарядный, как ее французская кофта из белой пряжи, а потом его огромный картуз, из-под которого улыбалось озаренное северным сиянием строгое русское лицо.

«Да он и в самом деле солнечный человек, иначе его и не назовешь», – почему-то подумала она и пошла к нему навстречу еще быстрее.

– Верушка, моя милая Верушка, – сразу услышала она его приглушенный, низкий, как шум сосен, голос. – Ты прости меня за все страдания, за все муки, которыми я растревожил тебя в первый же день нашей встречи.

Иван, словно разбуженный весенними запахами белый медведь, спустился с колокольни, и лицо его засияло еще шире, радостней.

– Я твой... Делай со мной что хочешь, но я твой, – тихо произнес он. – Пусть это кажется навязчивым, но это так. Я теперь твой до гробовой доски. Я понял, Верушка, что ты можешь любить, а это для меня все! Ты богиня моя. Звезды светят только тем, кто может любить. как ты, сказка моя неповторимая. В любую пору, в любую беду, в любое ненастье. Ты пришла ко мне, несмотря ни на что. Ведь я, прости меня, был уже похоронен не один раз и не на одном кладбище. Но я жив, Верушка, жив! Потому что бескорыстная

любовь всегда удивительна и вечна, как наши ночные звезды. Не те звезды, которые «впариваются» нам круглые сутки по телевидению и радио, а те, что даны Млечным путем, самой природой. Они, словно Солнце, озаряют нашу дорогу и стараются изо всех сил продлить нашу грешную безумную жизнь, которая существует не только на Земле, но и на других планетах. Они помогают нам бороться за счастье. Сегодня, Верушка, мы отправимся с тобой туда, где пахнет вереском, багульником и каждая живая тварь имеет свою неоспоримую ценность. Туда, где еще не ступала нога ни одного, обалдевшего от свободы и беспредела гадкого, алчного мерзавца по прозвищу «крутой и продвинутый». Там нет «элитных» домов и райских фонтанов, так же, как и дикого бизнеса, от которого разит глупостью, невежеством. Но там есть дух России, и в лесах токуют не электронные голуби и кукушки, а настоящие живые глухари, тетерева. А теперь позволь обнять тебя, ягодка моя пропащая. Я не видел тебя целый день. – не найдя больше слов, Иван Петрович с какой-то необъяснимой дрожью в голосе, робко, словно взрослый напроказничавший ребенок, подошел к Вере и обнял ее так, что она сразу поняла, что нет управы на его разнеженные чувства и неистовую страсть.

– Пойдем, Верушка. Скоро совсем стемнеет. Впереди у нас три дня и три ночи волшебного пути.

– Куда, Ваня?

– В мое брусничное суземье.

– Пешком?

– Сегодня – на лошади, а завтра – посмотрим... Розвальни ждут нас у кладбища. Пойдем. – Он также робко и с какой-то удивительной теплотой посмотрел на могилы, огляделся по сторонам и, резко сняв картуз, трижды перекрестился.

– До нового свидания, землячки, – тихо сказал он. – Простите, что я опять жив остался, а вы нет. – И они пошли к упряжке.

Часть вторая

Глава 1

Тайна бессмертной души

На свете нет ничего дороже любви. Как жаль, что это мы начинаем понимать, когда наши глаза, губы и другие необходимые для жизни части тела уже исколоты силиконом, адреналином и прочими стимуляторами и возбудителями. А хуже того, когда и мозги наши уже сильно одурманены табакотом, наркотой, рекламой, алкоголем, телевизионным экстримом. Сколько бы не понадобилось нам таблеток, уколов и массажей, якобы приводящих нас в нормальное состояние, если б мы могли любить! Когда человек любит, то во всех этих искусственных, а порой и натуральных возбудителях уже нет никакой необходимости. Любовь правит и движет нашей жизнью, как ветер движет облаками и тучами. Как солнце дает тепло и свет тому сердцу, которое может любить, потому что в самой любви имеется такая неразгаданная тайна, которая покруче многих термоядерных реакций да и самых великих произведений искусства. Любовь – это движение всего того общего, связанного с космосом и со всей Вселенной и все равно не имеющего такой силы, такого чуда, такой изумительной энергии, которую имеет она – наша

земная, ни с чем не сравнимая людская любовь. Дай ей возможность расти, мой друг, и ты поймешь, на что способна она в этой безумной, порой безысходной озлобленной жизни, похожей на страшный сон в жуткой тюрьме. Слава ей! Как ничтожен и глуп любой начальник, любой царек, любой завоеватель, любой президент или олигарх, который уничтожает все живое, все ломкое, все чуткое, все природное на земле, созданное любовью. Может, он, прагматик и властолюб, не понимает ее всеобъемлющей космической силы и потому сам приговаривает себя к скорой гибели, к быстрому забвению, распаду, ускоряя этот распад алчностью и гордыней власти. Россия – страна бескорыстной, всепрощающей, жертвенной любви. И заповедь «полюби ближнего как самого себя» никогда не покидала и не покинет ее. Так же, как и не покинет ее непримиримая ненависть – противовес любви, потому как только без ума влюбленный может безжалостно ненавидеть и мочить все и вся до последней капли крови и добиваться своего, данного Богом.

Вера была счастлива как никогда. Через несколько минут небо сильно прояснилось и над влюбленными стали появляться сначала звезды, а потом северное сияние. Число звезд увеличивалось на глазах. Скоро они осветили не только зимнюю дорогу, но и огромные лиственницы и ели, окружавшие дорогу со всех сторон.

– Мы едем на Север, – тихо сказал Иван и вдруг запел:

Может быть, нас найдут, обыщут
И накажут за все, что есть.
Только нет на земле кладбища,
Где б зарыли любовь и честь.

Сначала Вера, обалдевшая от звезд и северного сияния, не поняла ни мотива, ни слов песни, но спустя несколько минут его голос, словно молот по наковальне, звенел в ее сердце, и хотелось его слушать и слушать.

Нет в России села, станицы,
Где б не слышал я мудрых слов,
Можно ерничать и глумиться,
Но нельзя истребить любовь.

– Верушка, я люблю тебя, люблю! – повторял он после каждого куплета, и глаза его горели в этот миг так же ярко, как и полуночные звезды. – Тебе нравится песня?

– Да, Ваня, очень нравится... Пой, Ваня... Я буду петь вместе с тобой.

– Верушка, я построю для тебя храм из таких деревьев, которые спасут тебя от многих недугов и от этой жуткой цивилизации, что сделала из тебя не человека, а почти электронную машину – мертвую, бездуховную. Лебеди будут прилетать к тебе каждое лето и жить с тобой рядом, как родные сестры и братья. Я научу тебя любить все то, что наполнено жизнью, движением, страстью, темпераментом беско-

рыстной любви. Не пустым безрассудством, когда человек любит лишь только потому, что все это любят и так написано в Новом Завете... Но есть и Старый Завет, а до Старого Завета было много других мудрых книг, рукописи которых не все дошли до нас. Я восстановлю для тебя, милая Верушка, многие из них. Особенно те, что писались на родном языке, стержнем которого было русское сердце, с его разумом, духом, верой в свой народ.

– Каким образом, Ваня?

– При помощи звезд, солнца и, конечно, таежного родника. Когда ты увидишь мою небесную обсерваторию, расположенную среди болот, мой родник вечности, ты поймешь, что это возможно.

– Я верю, Ваня, верю, – шептала ему Вера, и почему-то слезы опять наворачивались на ее глаза. – Главное, нам доехать дотуда. Ты не представляешь, Ваня, как я счастлива сейчас. Твои искренние откровения будят во мне такие чувства, как будто я еще девушка, и ты везешь меня туда, где я буду визжать от счастья и наслаждаться тем, чего у меня еще никогда не было ни с одним мужчиной.

– Будешь, Верушка, обязательно будешь. потерпи немного. Только бы погода не испортилась. – Иван опять запел, но как только кончился лес и зимняя дорога стала погружаться в топкие болотины, лошади заржали, и руки Ивана потянулись в сено за ружьем. – Волки впереди. Но ты не переживай. Может быть, они знают меня и моих лошадей. Они

часто останавливаются перед моей упряжкой, а потом долго воют, как бы провожая меня в очередной поход к людям, среди которых я так и не нашел счастья. Может, они думают, что я тоже одинокий Волк, отбившийся от стаи, и меня могут разорвать не только они, но и люди, которые преследуют меня даже здесь, среди вязких топей. Но у меня, Верушка, в отличие от волков, есть пророческий разум и огромная любовь к России. А волки, они и в Африке волки, только у них нет родины, и потому они завидуют мне.

– И я тебе, Ваня, завидую... У меня тоже нет родины. До встречи с тобой у меня была только «элитная» кормушка.

– Что это такое – «элитная» кормушка?

– Это когда все изысканно, богато и даже иногда райские птички чирикают и в золоченых углах стоят христианские иконы. Но за всем этим – жуткий мрак развращенных бездушных людей. Их Святая Троица – наша гибель, иначе не назовешь. Это безрассудный цинизм, холодная расчетливость и пышно разукрашенный обман. У них хрупкая девушка, еще не искушенная и чистая от жестоких мужских лап и оттого доверчивая и наивная, стоит копейки. А почему так, Ваня?! Потому что эта девушка ничья – глупая козочка, оставшая от паровоза. Разве это справедливо?! В наших местах, где люди еще могут любить, наслаждаться природой и бережно относиться к ней, этой девушке цены нет.

– Потому что она – сказка еще не поработанного рая.

– Но там, где все схвачено владельцами «элитных» домов,

эта девушка, словно летящий полевой лепесток, ничья и не принадлежит никому, кроме хозяина. Она просто надувная кукла. игрушка, которой может забавляться каждый, у кого есть «бабло».

– А это что такое. «бабло»? Я даже в зоне не слышал такого слова.

– Это то, чего у нас с тобой крохи, но зато у ведьм элитных домов, вхожих и в синагогу, и в православную церковь, и в краснокаменный терем, – галимая туча. Одним словом, это баксы.

– Баксы?! Ха-ха! А я думал, что это что-то вроде повивальной бабушки. или что-то вроде снежного человека.

– Снежный человек – это ты, Ваня, – перебила его Вера. – И мамка моя тоже снежный человек, и папка, и многие люди поселка.

– Почему?

– Потому что их нельзя закабалить при помощи денег, подчинить придворной религией, культурой. Они, как морошка, которая растет только на болоте, или как солнце, от которого ты пришел ко мне, творящее жизнь и судьбу всех нас... И в данном случае, Ваня, все цивилизации, с их огромным «баблом» и бездушным господством над «снежными» людьми, самое настоящее фуфло, грязь, которая постепенно превращается.

– Неужели в дерьмо?! – вдруг спросил Иван и резко притормозил упряжку.

– Да, Ваня, именно в дерьмо.

– Верушка, глянь направо. Видишь маленькие огоньки? Вон там, дальше, за низкорослыми соснами. Они то светятся, то исчезают в ночи.

– Вижу, Ваня.

– Это волчьи глаза.

– А я решила, что это звезды отражаются в болотных лывах.

– Нет, Верушка, это глаза хищников. Они перемещаются в нашу сторону и кого-то преследуют.

– Может, поджидают нашу упряжку?

– Не знаю. Но они могут напугать лошадей, и мы увязнем в болоте.

Иван остановил лошадей и, сойдя с розвальней, прислушался.

В его движениях не было ни страха, ни суеты. Он долго вглядывался в бескрайнюю темноту, хотел закурить, но передумал.

– Ваня, ружье возьми, – прошептала Вера и вытащила из сена двустволку.

– Не спеши, Верушка. По-моему, волки идут не к нам. Я слышу, как где-то впереди чавкают ноги сохатых. Наверно, волки идут за ними, а мы преградили путь лосям. Надо пропустить лосей, а волков остановить.

– Но волков, Ваня, очень много.

– Ничего. Даже тысяча оголодавших и злых кошек нико-

гда не заменит одного стреляного льва. Это слова Шолохова о Льве Толстом. Подраним гривастых кобелей или жожака, остальные повернут назад. А сейчас надо не упустить момент и поставить палатку. – Иван осторожно, почти бесшумно подтянул упряжку на сухое место зимника и, вытряхнув палатку из розвальней, стал ловко разворачивать брезент.

– Верушка, помогай, пока нам звезды светят. Они светят не всегда и не всем.

– Но сегодня, Ваня, они светят нам.

– Оттого, что в наших душах тоже есть свет.

– Откуда он, Ваня?

– Мы с тобой можем любить или ненавидеть этот безумный, истребляющий сам себя мир, в котором горстка богатеньких безжалостно поедает тех «глухарей», за счет которых у них каждый день пирушка и каждый день доход, от которого нам с тобой ни жарко ни холодно. Может, от этих мыслей и светятся наши души.

– Любимый мой, как дорога мне твоя искренность, правда. От нее я балдею, словно школьница, узнавшая наконец, что ее «двойки» не только вызов отличникам, но и великая мудрость для всех людей – не надо быть сусальным золотом, когда вокруг тебя оружейная сталь и нарезные стволы. – Вера неожиданно наклонилась к Ивану и, нежно поцеловав его в обветренные, зарозовевшие от быстрой езды губы, стала торопливо разворачивать брезент. Она это делала, почти не глядя на ткань палатки, почти механически, потому что в эти

радостные мгновения любовалась Иваном и выдержкой его, спокойствием и рассудительностью. Она была счастлива, что он живой и рядом с ней, несмотря ни на что. Она начинала догадываться, почему он давно похоронил себя, почему могила стоит в центре кладбища и отчего на ней много живых цветов.

– Ты молодец, Ваня... Ты славный, смелый мужик. Но мне сейчас все равно страшно. когда только волчьи глаза впереди да безлюдная темная ночь. Подумать жутко, что вокруг ни души, ни одного живого человека.

– И не надо никого. А тех, кого надо, они уже на кладбище. Люди, о которых ты думаешь, сейчас бы живо схватили меня и опять затолкали в тюрьму. А за тобой, судя по твоей чувственной ненасытности, прикатали бы парни в масках и по новой увезли тебя в публичный дом. Им, Верушка, нужны не мы, два влюбленных человека! Они любви не понимают, потому что они рабы с животным сексом и безрассудной жадой к деньгам. Всегда помни, ласточка моя ненаглядная, там, где правят всем деньги, нет никогда жалости, милосердия, совести и законов действующих тоже нет. Они – только фантазия чиновников, которые боятся всего того, что нельзя вычислить, поставить на место, а при случае – убрать, растоптать. Они боятся звезд, света, ветра, раскатов грома и, конечно, солнца, которое сразу раскрывает их маразм. Сейчас бы их сюда, на этот промозглый зимник, в жуткую топь, глотающую метеориты словно голодный удав безмозглых гры-

зунов.

– Не пугай меня, Ваня. Ты видишь, я вся дрожу..

– Перед кем?! Здесь никогда не было иноземцев и гнусных завоевателей. Здесь каждая кочка, каждая березка, каждая осинка или лиственница – бальзам спасительный для человека, потерявшего веру, силу духа, любовь к людям. Сейчас, Верушка, мы поставим палатку, отгоним волков от лосей и заночуем здесь.

Между тем болотное чавканье лосиных ног стало доноситься и до слуха Веры. И когда палатка, несмотря на ветер и заболоченные топляки уже стояла и надо было только собрать железную печь, зимняя дорога словно зашевелилась. Со стороны карьера, откуда шли лоси, послышалось сначала приглушенное хлопанье, потом гул копыт, барабанивших по топлякам, а потом словно огромные бурые валуны окружили палатку и с неистовым чавканьем вмяли как раз тот самый угол, где стояли испуганные лошади. Вера вздрогнула, закрыла глаза, но Иван успокоил ее.

– Верушка, – с улыбкой подметил он, – это чистая случайность. – Все звери боятся людского жилья. Только медведь-шатун не боится. Но весной его практически не бывает. – Иван взял ружье, лежавшее на спальном мешке, протянул Вере.

– Возьми эту «тулку», – ласково сказал он, словно в его руках было не ружье, а цветы. – Когда промозглый ветер валит огромные деревья и они разбиваются в щепки и, кажет-

ся, что звезды, словно мелкий град, падают тебе на голову, эта «игрушка» здорово помогает. Только не вздумай стрелять раньше времени. Пусть все лоси пробегут мимо нас. А потом будем встречать волков. – Иван вдруг насторожился: – А ну-ка, иди сюда, – с тревогой позвал он. Неожиданно лицо его помрачнело, в глазах появился ненавистный блеск.

Вера, не зная, что делать с ружьем, прижала его к груди, растерянно подошла к Ивану.

– Посмотри туда, за дальнюю лиственницу на краю болота... за косорагу... Видишь еле заметные зеленые огоньки? Что это?

– Глаза волчьи.

– А дальше, чуть правее? Что там тлеет?

Вера еще крепче обняла ружье, вгляделась в темноту.

– По-моему, Ваня, это свет фонарей, направленных в сторону лиственницы.

– Не может быть! – Иван еще раз вгляделся в сторону болота, задумался. – Не отводи глаз от этого огня. Если это и в самом деле свет фонарей, то нам надо идти назад и тихо-тихо следовать за стадом лосей. Ведь они, родные мои, к лесу идут, а лес – наше спасение. Смотри, смотри, Верушка, нам не нужен свет фонарей.

– Ваня, глянь! Справа загорелся еще один фонарь.

– Милая моя, значит, я ошибся. Значит, за лосями идут не волки, а люди. И зеленые огоньки – это не волчьи глаза, а глаза бойцовых собак. Как жаль, что я не взял в этот

раз ночного бинокля. – Иван поспешно выдал из палатки полиэтиленовое оконце и, положив его в охотничий жилет, еще раз взгляделся в край болота. – Значит, не волки, а люди преследуют сохатых. Меня ищут! Как ты выразилась, радость моя, снежного человека! Человека, который никого не убивал, никого не грабил, не насиловал, а просто никогда не признавал и сейчас не признает мерзостных и необъяснимо глупых законов этих алчных людей, дарующих пищу жуткому беспределу... Так что, Верушка, придется пробираться в брусничное суземье другим путем. Срочно грузим палатку на сани, запрягаем лошадей, и ноги в руки.

– Ружье куда положить, Ваня?

– Дай сюда... – Иван быстро перезарядил ружье. – Собак к лошадям не подпускать. И стрелять наверняка, с упреждением.

– Как это, Ваня?

– Вот так. – Иван приложил ложе к плечу и направил ствол ружья на свет, в сторону луны. – Видишь на конце ствола «мушку»?

– Да.

– «Мушка» должна быть впереди бегущей собаки на один корпус, и спускать крючок надо вот здесь, медленно, плавно, как будто нитку в иголку вдеаешь. Не рвать его ни в коем случае и глаз не закрывать во время выстрела, тогда и попадешь по месту. Повесь пока ружье на плечо и палатку помогай сворачивать.

Люди, по всей видимости, приближались с хорошо обученными собаками средней полосы России, потому что собаки не рвались вперед и, наверно, так же, как и люди, боялись топких северных мест и густых непроходимых зарослей осинника и вереска.

– Мы должны уйти вместе с лосями, иначе нас могут выследить, – строго сказал Иван.

Ветер продолжал дуть со стороны погони, и тяжелые северные тучи быстро ползли с той же стороны. Тучи затемняли лес, и чернота их предвещала грозу. Иван торопливо сворачивал палатку и заботливо успокаивал лошадей:

– Терпите, родненькие. Мы с вами не таких собак одурачивали! Теперь у вас пастушка будет, жена моя. красавица моя несказанная. А она, гривастенькие мои, не такими гривами шевелила и жеребцов не таких выгуливала.

– Не надо, Ваня. Не говори так.

– Не обижайся, Верушка. Я не со зла. Я тебя больше жизни люблю. До брусничного суземья доберемся, свадьбу сыграем. «Айвазовский» на нашей свадьбе тамадой будет. Ведь я его от четырех бандитов спас, которые все его творчество сперли, а его грохнуть хотели, чтоб концы отрубить. Тамада у нас с высшим образованием и лауреат многих премий по прикладной живописи.

– А свидетели кто?

– Глухари, белки... Может, медведь на свадьбу пожалует...

– Из префектуры? – неожиданно пошутила Вера.

– Ну да, а еще лиса придет, его секретарша, – с каким-то надрывным смехом отшучивался Иван, торопливо укладывая палатку в розвальни, и вдруг из-под нижнего слоя сена достал карабин. – Только бы ветер не поменялся. Если гости московские, у них все схвачено.

– И здесь схвачено?

– И здесь. Либо вертолет появится, либо бронетранспортер, а то и самолет небольшой.

– А если местный розыск?

– Местный розыск – альтернатива главному. У местных ищек кишка тонка.

– Вот как.

– Их интересуют бандиты, которые даже в тюрьмах могут приносить хорошую прибыль. А с меня что возьмешь?! Рукописи о бессмертии душ, связанных с солнечным родником, да вот еще трактаты о мирной жизни.

– Что это такое?

– Это разные способы, как уйти от гражданской войны.

– От какой гражданской войны?

– Между богатыми и бедными.

Вера знала про гражданскую войну еще со школы. Но там ее учили, что война была между белыми и красными, а не между бело-синими и оранжевыми. То есть между существовавшей тогда властью и революционерами. А то, что рабоче-крестьянская нищета поднялась против богачей, сделав-

ших ее бесправными рабами, деликатно умалчивалось.

– И как ее избежать? – поинтересовалась она.

– Отрезать дороги ко всем богатствам России и защищать их от хапающих господ без чести и совести.

– А как узнать, порядочный господин или бандит-оборотень?

– Конечно, сразу не разберешь, но богатство должно принадлежать мудрым, разносторонне грамотным людям, умеющим ценить не только свое личное добро, но и добро людей, с которыми тебя свела судьба. Человек с большим капиталом должен быть талантливым, честным. А в нашей жизни, Верушка, все наоборот. Богатеют и процветают чаще всего преступники, лицемеры и добытчики, думающие только о себе. Как умалишенные хищники, они мчатся по просторам России и пьют свежую кровь у тех людей, которые столетиями, а может быть, тысячелетиями создавали ее уклад, веру, братство, взаимопонимание. Я даже стихи написал про этих хищников.

– Прочти, Ваня...

– Может, потом. Надо же, и сюда забрались. – не мог успокоиться он.

– Прочти, Ваня, я давно стихов не слышала.

Иван достал из охотничьего жилета кусок бересты и нараспев прочел корявые строки, написанные углем.

Там, где в продаже «телки»,

Осквернены кресты.
Мчатся по миру волки
Дьявольской красоты.
Их красота, как буря
Злобная, не спасет:
Скрутит, сметет, ошкурит,
Стойких с ума сведет.
Родина, дай мне волю
Солнечного луча,
Только не волчью долю
Хищника-палача.
Там, где в продаже «телки»,
Мощи святых, кресты,
Люди живут, как волки, —
Души у них пусты.
Деньги куют от страха
И на слепом пути
Правды боятся, краха.
Господи, их прости!

– Bravo, bravo, Ваня! Они очень похожи на волков, потому что у них нет Родины. ничего святого.

– Верушка, они хуже волков! Волки напьются крови, и бай-бай... А эти напьются, а потом выплевывают ее и тут же ищут новую. У них главное – процесс собственного превосходства, личной продвинутой, от которой партнеры и прочие их сотоварищи падают обескровленными и двигаются в другую сторону.

– В сторону кладбища?

– Ну да. Это сумасшедшие.

– Их Родина там, где есть «бабло», – подхватила его мысли

Вера.

– Они потеряли всякую связь с духовным миром и сказку Пушкина «О золотой рыбке» либо никогда не читали, либо Пушкин для них не авторитет. Нельзя быть богатым, когда у тебя нет бескорыстных друзей, когда ты передвигаешься, как преступник с охраной, и не задумываешься о честности.

– А есть она, честность, Ваня?

– Если б ее не было, то я бы и в самом деле в могиле лежал. А тебя затащили бы в Эмираты или в Африку. Там такие женщины, судя по объявлениям, спросом пользуются.

– И какая я женщина?

– Прости, Верушка, но лукавить тебе грех. В моем представлении ты мало похожа на женщину..

– Как это так?

– Не знаю даже как выразиться.

– Говори, Ваня! Как думаешь, так и говори. Я тебе многое прощать буду... Я тебя люблю, Ваня, люблю.

– На мартовскую кошку, – вдруг строго сказал Иван и, боясь говорить в лицо ей, чтобы не видеть обиду, отвернулся в сторону, – обалдевшую от одного желания поскорее лечь в постель и завернуть ноги так, чтобы они за уши цеплялись. Может быть, профессия сделала тебя такой ненасытной нимфой. Разум твой на уровне горностайки, которая еще не вы-

лупилась, а уже пару ищет.

– Не говори так, Ваня.

– Я чую это, не обижайся, но это не главная твоя беда. Самое страшное, что ты одинока.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю это потому, что я такой же одинокий волк, как ты, только с лагерной закваской. Твои чувства легки и переменчивы. Но пока они, несмотря на твою молодость, спят беспробудным сном. Они, словно блудливые зайцы перед ненастной погодой. Ты одинока, Верочка, совсем одинока.

– Но у меня, Ваня, есть друзья в Москве, и довольно богатые...

– Они есть потому, что ты молода и красива и, наверное, ни в чем им не отказываешь?

– Тебе надо знать об этом?

– Я должен знать о тебе все, потому что я люблю тебя тоже. Очень люблю. Я голову потерял с тобой. Вместо того чтобы ехать обратно в лес, я пошел в библиотеку и купил астрологический словарь.

– В библиотеке?

– Ну да. За ягоды выменял. Денег библиотекаря не берет, а ягоды и рыбу берет. Словарь мне поможет узнать тебя еще больше. Ты кто по знаку?

– Весы.

– А встретились мы с тобой при сильно ущербной луне.

– Это имеет значение?

– Еще какое. Я должен знать о тебе все, все.

– И я, Ваня. Со мной происходит что-то очень странное. Ты у меня в голове не укладываешься. Кто ты такой? Ты случайно не инопланетянин? Ведь ты совсем не похож на современных людей.

– Особенно на тех, кто забыл о солнце! – неожиданно вспылал Иван. – На тех, кто хочет разбогатеть за счет обмана других, называя это бизнесом.

– Ваня, успокойся.

– Запомни, Верушка, алчущий всегда преследует одну цель.

– Какую?

– Доказать тем, у кого есть совесть, рассудок, что не сострадание, не любовь – главный козырь людей, а деньги. Мне бы хотелось быть инопланетянином или хотя бы познакомиться с ними. Тогда бы я рассказал им, что такое Россия и как можно есть собственное дерьмо, называя его шоколадным «Санчо» или «Птичьим молоком». Или как можно всю жизнь писать слезные стихи о России, сочинять песни, которые радуют многих людей, и при этом у передельщиков власти считаться бездарным графоманом или русофобом... – Как ты думаешь, можно?

– Наверно, можно.

– Вот и я так считаю. А почему?! Потому что сам народ стал духовным импотентом, оторванным друг от друга. до ненависти, до безрассудства! А тот, кто поднялся над ним

после распада прежней власти, готов на такие «шедевры», которые самому преуспевающему киллеру не снились. Кто там наверху при ООО под названием «государство», ему все равно. Лишь бы его не трогали, когда он ворует или с пеной у рта доказывает, что секс сильно помогает бизнесу.

– Еще как помогает, – сразу оживилась Вера, и чувственная озорная улыбка сильно изменила ее лицо. – Он и в дружбе помогает, и в деловых встречах, а любовь без него – одно недоразумение. Мне как-то неловко, но очень любопытно, Ваня, спросить тебя в связи с этим.

– Да что ты, Верушка! Не стесняйся, спрашивай.

– Скажи мне, пожалуйста, откуда у тебя такой толстенький упругий носик? Руки сильные, я понимаю, ты окреп в лесу, и глаза горят, как полуночные звезды. От охоты, видимо?

– Ну да. От охоты за мной.

– И за тобой, в том числе. Только откуда у тебя такой толстый и бойкий носик? Ты виагрой не колешься?

– У меня нос толстый? – не понял Иван. – Впервые слышу. – И почему-то потрогал свой широкий, слегка приплюснутый нос. – Разве он толстый, упругий? По-моему, он мягкий и небольшой.

Вера залилась звонким чистосердечным смехом, а потом вдруг порывисто, словно боясь упустить мимолетное счастье, крепко обняла Ивана.

Влюбленные не обратили внимания, как одна пара зеле-

новатых огоньков оторвалась от общей массы обученных собак и стала быстро приближаться к розвальням. Силуэт ее при свете луны отчетливо вырисовывался на болотном беломошнике. Вера машинально сняла ружье с плеча и, немного оторопев, дрожащими от волнения руками, взвела курки.

– Не надо стрелять, – тихо сказал Иван. – Гости могут услышать выстрел, броситься за нами, а это верная смерть.

– Кому смерть?

– Им.

– Как же так?

– Ты думаешь, почему я разоткровенничался и забыл об опасности?

– Почему?

– Потому что между ищейками и нами болото глубиной более трех метров. Мне еще бабка твоя рассказывала о нем. Это место называется «Черная дыра». Одним словом, она как ненасытный волк глотает все подряд... От людей остаются одни воспоминания.

Вера опять повесила ружье на плечо, но волнение не покидало ее. Она не отводила глаз от собаки, которая с трудом пробиралась от одной зыбкой кочки к другой, но упорно двигалась вперед.

– Вязкая собачка, – с улыбкой сказал Иван. – Старание ее заслуживает большой похвалы. Если она выкарабкается, то из нее будет толк.

Иван неторопливо достал из охотничьего жилета метал-

личный прибор, похожий на фотоаппарат, и, направив на собаку, стал наблюдать за ее приближением.

Это была немецкая овчарка, по резвости молодая и умная, потому что старательно осваивала каждый метр болотной жижи.

– Смотри, Верушка, вот здесь кнопка. Направляем излучатель прибора на собаку и нажимаем кнопку. Конечно, жаль такую собачку.

– А где твои собаки, Ваня?

– Я их еще утром домой отправил. Но такую овчарку я бы с радостью прибавил к своим питомцам. Только нам пора уходить от этих казенных людей, иначе свадебное путешествие будет не очень приятным. – Иван нажал кнопку, и овчарка сразу замерла, словно наткнулась на что-то острое, забралась с трудом на гнилую сухару и, постояв немного, повернула назад.

– Ваня, ты чародей, – с нежностью и какой-то детской гордостью подметила Вера.

– Нет, я не чародей и не волшебник. Я всего-навсего человек, идущий от солнца, потому что я люблю его. А это значит, что я несу людям свет, добро, радость...

– Как это понять? – перебила его Вера. – Ты живешь, как мне кажется, в полном одиночестве и, кроме «Айвазовского», ты ни с кем не общаешься.

– До встречи с тобой было все не так, – с улыбкой ответил он, не отводя глаз от уходящей собаки. – Я каждый ме-

сяц ездил в город, конечно, пока не со своим паспортом. Но мне всегда удавалось продать не только барсучий или медвежий жир, но и встретиться с умными доброжелательными людьми, которые любят Россию не меньше меня и с удовольствием читают мои стихи, трактаты.

– Кто они? Может, они догадались, что ты сбежал из тюрьмы, и навели на тебя этих зеленоглазых собак.

– Что ты, Верушка, окстись! Они никогда не заложат меня, потому что они исконно русские люди. Корни их идут от Ломоносовых, Суворовых. Они живут не ради «баксов», не ради личной выгоды. Они не развлекаются надуманными телезвездами и пустыми фильмами, пахнувшими теми же «баксами». Им не нужны ни поп-шоу, ни ток-шоу, красочные, порой захватывающие, но все равно пошлые своей поверхностной игрой в жизнь, далекой от самой жизни и, конечно, от России. Короче, у моих земляков одна забота – как спасти землю, на которой они живут. – Иван неожиданно замолчал, прислушался к шуму ветра. – Эти люди для меня, словно свежий сосновый воздух в пору нереста. распуты, – с грустной улыбкой продолжил он. – Их волнуют совсем другие проблемы. Они ждут больших перемен в России. У них даже наворачиваются слезы, когда я читаю стихи о Родине. Они помогают мне и часто подсказывают, как сохранить богатство моего брусничного суземья. – Иван помолчал немного и добавил: – А главное – дух России. – Он огляделся по сторонам, положил карабин опять в сено и, по-

смотрев на расположение звезд, задумался. – Там, за «черной дырой», жируют совсем другие люди. Они служат тому, кто больше платит, развлекает их в стриптиз-барах, а потом делает им массажи с диким волчьим оргазмом, от которого не только волосы выпадают, но и мозги заворачиваются на одну потребность.

– Ты прав... Я сама – участница таких тусовок.

– Любовь они называют сексом, а женщин – телками, – никак не унимался Иван. – Денег они с собой не носят, боятся, что их ограбят, и очень хотят, чтобы мы с тобой были такими же. Но мы, Верушка, никогда такими не будем.

– Ты хочешь сказать, что мы сами кого угодно ограбим?!

– Нет, мы с тобой не грабители. Они хотят, чтобы мы не думали о любви, которая еще жива в России.

– О какой?

– Бескорыстной, преданной, с верой в душе, и не только о любви.

– Ваня, посмотри мне в глаза. Ну, ну... Какой ты смешной сейчас. Настоящий патриот.

– Они хотят, чтобы мы не думали и о земле, на которой живем, и о наших угодьях, – возмущенно продолжил он. – По-моему, у них ничего не получится.

– Не знаю, Ваня. Может, и получится, – с грустью возразила Вера и тяжело вздохнула.

– По-моему, ты уже отравлена их философией.

– Естественно.

– Но это пройдет, Верушка, быстро пройдет. Это детская противная болезнь – корь или ветрянка – тело горит, но душу не задевает. Эти господа исполняют волю других, совсем закрытых от нас господ, о которых мы ничего не знаем, и, может быть, никогда не будем знать. Теперь это называется коммерческой тайной.

– Не будем про них, Ваня. Этих господ я знаю больше, чем ты. У меня их целая коллекция. А тайна, Ваня, это такая «мамка», которая никогда не исчезнет. А если исчезнет, то жизнь наша станет еще поганей. – Она положила свое ружье рядом с карабином Ивана, осторожно села в розвальни и, взяв его за руки, долго смотрела ему в глаза. – Ванечка, миленький мой, я начинаю понимать, что такое настоящая любовь, – тихо сказала она и положила голову на его колени. – До этого были просто увлечения, или сексуальные галопы в растяжку, или, может быть, погоня за новизной, я не знаю, но никакая роскошь, никакой рай, никакой супероргазм не заменит глубину твоих светлых искренних глаз, твоего чуткого отношения ко мне. Прости за высокопарные слова, но это так. Мне очень хотелось всего этого... Может, поэтому я меняла мужчин-наездников, как загнанная лошадь. Не найдя подходящего, я пустила в ход деньги. Все заработки в «элитном» доме, в казино, на телевидении, в кино были брошены на тряпки, отдельную квартиру, макияж. Три года я искала свое счастье, но тщетно, до мерзости тщетно. Только теперь я начинаю понимать, что любовь – это не сладкое,

а горькое испытание взаимности. Поэтому, миленький мой, бог с ними, с коммерческими тайнами и с этими наемными ищейками, готовыми искать кого угодно, лишь бы им хорошо заплатили. Нам, Ванечка, надо сохранить нашу взаимную тайну, в которой совсем другой смысл. Радость моя, золото мое бесценное, дай я тебя расцелую и скажу тебе как на духу сейчас. Люблю тебя, сокол мой, за то, что ты есть! – Она опустилась еще ниже, прямо к его ногам, и не в силах справиться с собой, вдруг разревелась. – Пойдем отсюда, друг мой сердешный! Мне страшно. Нас двое, а их неизвестно сколько! Одних собачьих глаз больше десятка. Пусть Россия для них – Клондайк с русскими лабухами, которыми можно крутить как угодно, но эти господа наверняка с паспортами, может, даже с двойным гражданством, и знающие себе цену... А ты кто?! Бежавший из тюрьмы нищий зэк?! Призрак болотный, умеющий только читать звезды да стрелять наповал. А еще ты поэт, Ваня, за стихи которого раньше бы посадили, а теперь не сажают, потому что таких, как ты, в России теперь миллионы, и всех в тюрьме не прокормишь.

– Если всю Россию бросить в тюрьмы, конечно, не прокормишь, – неожиданно подхватил Иван и вдруг обнял свою подругу крепкими, пахнущими порохом и смолой ручищами. – Верушка, ты надежда моя. Я хочу, чтобы ты была счастлива со мной.

– И я хочу, Ваня...

– Прижмись ко мне крепче, сказка моя, тайна, никем

не разгаданная. – Он прижал ее голову к своей груди и на несколько секунд застыл словно в оцепенении. Как и прошлой ночью, Иван вдруг почувствовал невероятный прилив сил, и руки его потянулись к ее нежной, еще по-юношески вздернутой груди, в которой сейчас было столько робости, трепета.

– Ваня, мой миленький, сладкий и очень сильный мужчина. – шептала она, закрыв свои воспаленные, уставшие от неожиданных волнений глаза. – Я пытаюсь тебя понять и никак не могу. Ты красивый, умный, очень честный человек, пишешь стихи, даже трактаты, но почему ты прячешься от людей? Хоронишь себя? Почему?

Иван молчал.

Он глядел на восток, туда, где небо начинало чуть-чуть светлеть, и звезды, словно кем-то обогретые снежинки, таяли на глазах. Лицо его, только что вспыхнувшее от Вериной ласки, неожиданно помрачнело и стало бледным до неузнаваемости.

– Ваня, ну что ты молчишь?! Ответь мне!

Иван не отвечал. Губы его вдруг задрожали, лоб покрылся холодным потом.

Он не отводил взгляда от светлеющего неба, и глаза его тоже начинали вздрагивать и наполняться каким-то необыкновенным, удивительным светом.

– Я не знаю, как тебе объяснить, – наконец тихо, почти шепотом сказал он. – Если б люди научились читать челове-

ческие сердца, то, прочитав мое, ты бы не задала такой вопрос. Ведь я, Верушка, вырос на земле совсем других отношений, других принципов, другого понимания любви, чести, свободы. Я не могу принять того, что происходит в обществе сейчас. Никак не могу. Этот фарс, это дикое невежество или насмешка над всем исконно русским, вековечным, самым сокровенным, эта несправедливость, которая обрушилась на меня с первых дней моей осознанной жизни, сразу перевернули, надломили мою душу. Я вырос среди тех людей, где за правду причисляли к лику святых, а за ложь лишали всего, даже жизни. Тюрьма углубила эти понятия. Сделала их острыми, необходимыми для моей судьбы. Когда я вижу перед собой бескорыстного, способного на искреннюю любовь человека, сердце мое раскалывается от боли и радости. Такие люди, словно светильники на моем пути. Они маяки мои, мой фарватер. Но сколько бед, горя и страданий пришлось испытать мне, прежде чем я нашел их. Их мало, но они есть. Остальные совсем другие. На небе миллиарды звезд, планет и прочих тел... Многие из них люди очеловечили, придумав астрологические календари, стараясь приобщить звезды к быту, к состоянию духа. Но я выбрал только одну звезду, других звезд мне не надо. Называется она Солнцем. Как это получилось, я расскажу потом. В брусничном суземье. Поднимись, Вера, а то простудишься. Сегодня мы будем встречать мою звезду вместе. – Он запрокинул назад голову и долго вглядывался в темное небо.

Вера поднялась на ноги и заметила, что лицо его меняется на глазах и становится таким же, как и полоска света на небе, – золотисто-светлым, радостным.

«Какие удивительные перемены происходят на лице ее любимого человека. Наверно, необыкновенная душа у него», – почему-то подумала она, и ей вдруг тоже стало светло, радостно, как будто она в первый раз надела его рубашку с золотисто-серебряными нитками.

– Я расстроила тебя своим вопросом. Прости меня, Ваня, – прошептала она. – Ты горишь весь. – Ей хотелось еще раз прижаться к его груди, обласкать его, успокоить, но она сдержала себя. – Не играй с огнем, дружище, – неожиданно строго сказала она. – У этих ищеек точные приборы, электроника. И кто бы они ни были: бандиты без чести и совести или законопослушные перевертыши, у них есть крыша, опора на власть. А у тебя что?! Солнце, карабин времен гражданской войны да ружье с петухами.

– Это не петухи, это курки.

– А если ищейки тоже знают про «черную дыру»?! Может, они уже вычислили нас и притаились, как опытные сутенеры. Вот обойдут стороной и схватят нас!

– Они схватят?! – неожиданно почти вскрикнул он, как будто его задели за больное место. – Эти новоявленные роботы! Да им, кроме эксклюзивных наград да животного секса, ничего не надо!

– Значит, и ты понял это, – со слезами на глазах согласи-

лась с ним Вера.

– Горе той земле, на которой они будут хозяйничать, – никак не унимался Иван. – Клубы они превратят в секс-рынки, святые храмы – в бизнес центры. А совесть сделают рабыней подлости, лицемерия!..

– Успокойся, Ваня...

– Как я могу успокоиться, если это на самом деле так. Ты думаешь, почему рухнул Манхэттен?

– Я не знаю.

– А я знаю.

– Почему?

– Потому что в структурах американской безопасности тоже появились люди, которые работают сразу на несколько стран. Так называемые «кроты». В основе их службы не национальная идея – покончить с терроризмом и не бояться выходить на улицу, а деньги. Они сами помогли прорасти терроризму, забыв о чести, присяге. В результате чей-то шкурный интерес угробил тысячи людей. А у нас в Москве на Дубровке? То же самое. Наверняка кто-то знал или догадывался, что произойдет захват мирных граждан. И адрес, может быть, знал. Но людей купили, так же как и этих солдафонов по ту сторону болота. Такие люди готовы за лычку на погонах стрелять не только по Белому дому, но и по священным храмам родной земли! – Иван неожиданно затрясся, как в лихорадке, и руки его задрожали. В его фигуре было сейчас что-то демоническое и неистовое, похожее на фигуру

Ивана Грозного с картины Репина.

– Да все это шушера, – никак не мог успокоиться он. – Пустотелые люди! Точнее, не люди, а жалкие, кем-то заплаченные роботы, без души, ума... Главное для них – не поймать меня, чтобы обратно посадить в тюрьму. Главное, Верушка, – отнять у меня бесценное богатство, о котором я тебе еще не говорил!

– Какое богатство?! – Вера вдруг почувствовала в его словах какой-то новый прилив энергии, какую-то нестерпимую боль. И не только безысходная ненависть слышалась в них, но и сверлящая, душераздирающая, почти паническая тревога за свое бесценное богатство. Она уже поняла, что в его высказываниях присутствуют еле уловимые преувеличения реальной жизни. Но это ей нравилось именно в нем, потому что в его высказываниях не было никакого кокетства, никакого щегольского заумия. Он был абсолютно не похож на суетливых московских господ, напичканных европейскими мобильниками и ноутбуками. Их-то преувеличения реальной жизни как раз вызывали в ней тошноту, потому что сводились либо к теневому бизнесу, либо к сексу с резким запахом забродившей спермы от «Мадам Клико». – Может быть, ты считаешь богатством свой талант писать искренние стихи, – с грустной улыбкой поинтересовалась она, – или читать по звездам судьбы людей? Но с таким богатством, Ваня, скорей врагов наживешь или в трубу вылетишь.

– Нет, Верушка, я прекрасно понимаю тебя, хотя считаю,

что писать искренние стихи – это тоже большое богатство, потому что искренние стихи, словно строгие зеркала, фиксируют нашу изломанную хамелеонскую жизнь. Но здесь совсем другая метаморфоза. Здесь дух захватывает от превосходства и удивительности человека над остальными млекопитающими. Творить хочется, создавать новый мир, строить чудеса, невысказанные планы!

– Неужели ты нашел золотую жилу в своих дремучих угольях? Или клад драгоценный?

– Если б я нашел золото, клад, было бы все по-другому.. Вера подошла к Ивану совсем близко и пристально посмотрела ему в глаза.

– Может, твое богатство наподобие папкиного, куницы да норки. Он так и называет его: «мое пушное золото».

– Не мучайся в догадках. Это сокровище мне подарило наше великое солнце, и я обязан ему всей своей жизнью... – Иван сделал несколько шагов в сторону леса, над которым уже надвигался еле заметный свет нового дня, и, продолжая вглядываться в темную даль болота, вдруг стал медленно опускаться на колени. – Чудо мое, я знаю, скоро ты появишься над грешной землей, согреешь меня, приютишь. – вкрадчиво зашептал он в сторону еле заметной полоски света на темном небе. – Я вновь счастлив нашей встрече и знаю, что ты поймешь меня!.. Прошу, счастье мое бесценное, дай мне силы спасти тебя от этих безумных жалких людей. Ведь они уничтожат тебя, как только поймут твою естественную муд-

рость, твой солнечный разум, который своим теплом, своей чистотой, состраданием никогда не даст им покоя.

– Ваня, нам надо уходить.

– Подожди, Верушка. Эти слова и к тебе относятся, потому что ты для меня такое же светлое, еще не испытанное счастье, втянутое в эту пошлую игру в жизнь. Вдумайся в мои слова. – И он опять поднял голову, вглядываясь в ту сторону, откуда виднелась еле заметная полоска солнечного света. – Это я говорю с тобой, звезда моя. Иван Петрович Кузнецов – опальный русский поэт, звездочет, влюбленный в твою щедрость, бескорыстное благоразумие. Пусть для кого-то я озлобленный зэк, бежавший из тюремного барака, или призрак, похоронивший себя от отчаянья, безысходности. Но для тебя, мудрое мое солнце, я верный друг, и я сделаю все возможное, чтобы спасти тебя.

По мере того как полоска света увеличивалась, лицо Ивана преображалось и становилось более одухотворенным, решительным. А отблески солнца продолжали продвигаться на лес и освещали уже не только хвойные урочища, но и другой край болота, где находились люди с собаками.

Зеленых огней уже не было видно, зато карликовые березки и сосны, озаренные первыми лучами солнца, уже ждали нового дня.

Но Иван не замечал этого. Он не сводил глаз с тех деревьев, из-за которых вот-вот должно было появиться желанное светило, и был счастлив как школьник, который впер-

вые понял, что не «двойки» и «пятерки» решают его судьбу, а знания тех понятий жизни, о которых мало кто говорит вслух. И как только показалось солнце, с Иваном Петровичем Кузнецовым произошло что-то невероятное.

– Да здравствует еще никем не купленное чудо! – как ошпаренный, закричал он и, бросившись к карабину, схватил его обеими руками. Он, вероятно, хотел выстрелить вверх, но вовремя остановился. – Да здравствуют весна, любовь, цветение такое, какое оно есть! – продолжал кричать он, размахивая карабином. – Солнце, ты слышишь меня?! Вон там, на краю болота, затаились люди, которые хотят отнять у нас с тобой то, к чему они не имеют никакого отношения! Отнять наше с тобой богатство! То богатство, которое для тебя и для меня, да и для всех жителей Вселенной бесценно! Прошу тебя, сделай что-нибудь!

Прокричав наболевшие слова, Иван долго смотрел на огненное зарево, пока из глаз его не потекли слезы. Они текли то ли от счастья, то ли от головокружения и боли в глазах. Лицо его тоже вдруг вспыхнуло, и на скулах озаренного лица внезапно обозначились, а потом зашевелились бугристые желваки.

Иван неожиданно повернулся к Вере, и она вдруг услышала, как он, стиснув челюсти, закричал зубами, а потом с какой-то необъяснимой то ли досадой, то ли радостью прокричал так, что ей стало жутко.

– Верушка, там, в тайге, куда мы едем с тобой, такая

сногшибательная метаморфоза, от которой дух захватывает! Черти в глазах прыгают! И жизнь становится совсем другой...

– Где, Ваня?

– В брусничном суземье...

– Какая метаморфоза?

– Попробую объяснить. Представь, что ты хочешь как можно больше узнать о существующем вокруг нас мире. И тогда – ты только представь! – твой дух, благодаря этой метаморфозе, будет жить миллионы лет! Это богатство никакими деньгами не измеришь! – Он перекрестился несколько раз и добавил с еще большим волнением. – Трудно даже осознать, насколько оно велико, это богатство! Особенно сейчас, когда не только отдельные люди стали гнилыми, но и вся земля от их алчности, невежества превратилась неизвестно во что! А тут происходят настоящие чудеса – дух вылетает из тела, мчится, как метеорит, по всей Вселенной! И чихал он на нашу преступную цивилизацию! – Иван глянул на солнце, которое уже освещало не только вершины деревьев, но и дальние зеленеющие сопки, и вдруг зарделся широкой улыбкой хозяина земли, на которой вырос и стал ее неотъемлемой частью. – По-моему, скорость духа больше, чем у метеорита, – увлеченно продолжил он, и, судя по всему, для него это было очень важно. – Его движение я вычислил год назад, когда души моих лучших друзей улетели к солнцу ранним утром, а к обеду уже были там, потому что часов через шесть

началась сильная магнитная буря, солнце осветило многие урочища, а еще через три часа, по моим наблюдениям, души их уже летели в сторону созвездия Льва. Интересно, что самая большая скорость у тех, кто помогает на Земле бедным талантливым людям, не умеющим продвинуть свои возможности. А души тех, кто занимается «впариванием» своего гениального мозга в мудрость природы, обманом и грабежом или превращает себе подобных в рабов, эти души словно висят над собственными гробами и подняться не могут, потому что у них нет крыльев, которые растут от совести, сострадания, любви. А нынче каждый чуть разбогатевший человек считает, что он пришел на землю как бы с великой миссией, и возможностям его нет предела... Он либо Гомер, либо Спиноза, либо Циолковский, либо Столыпин. Потому подавай ему бог знает что: разноцветные краски, музыку удивительную и, конечно, много непредсказуемых ощущений, от которых он становится еще легче, круче. И хочется ему лететь туда, где много красоты, блаженства. Не той красоты, которую нам навязывают верхогляды видеовещательных компаний, без сердечной любви и кровной сути дела, превративших все серьезное и необходимое как воздух в игру в жизнь. А туда, где красота знает, что она недоступна и ее нельзя переделать, облагородить или купить за любые деньги.

Ею можно только гордиться и радоваться, что она есть... Так-то оно так. – Иван вдруг замолчал, еще раз глянул на выплывающее из-за леса светило и одобрительно покачал голо-

вой. Он как будто увидел в его лучах родных людей, которые дали ему согласие встретиться с ними еще раз. – Так-то оно так. Только не каждому духу судьба может подарить такой удивительный полет.

– Ваня, очень интересно, но уходить надо.

– Подожди, выслушай меня. Я говорю о духе, который независим ни от кого и ни от чего. Абсолютно независим! В этом вся фишка. Как только человек отправляется туда, – он опять посмотрел на солнце, и глаза его вдруг вспыхнули, заискрились так же ярко и радостно, как солнечные лучи, – дух человека под воздействием моего чудо-родника не остается в умершем человеке, а сразу оживает, становится еще активнее и летит бог знает куда! Таким образом, после моего живительного ключа дух человека становится бессмертным.

– Ваня, пойдем. Очень здорово, ты молодец, но нас могут заметить.

– Дай договорить. Жаль только, что не каждый дух обладает таким свойством. А может, так справедливей. Вероятно, это зависит от души человека, и есть ли она у него – душа. Особенно мой источник действует на людей с большой фантазией и огромным состраданием к тем, кто не имеет ее. А если у человека нет ни души, ни фантазии, это катастрофа!

– Но так не бывает. У каждого человека есть душа, – неожиданно возразила Вера.

– Я тоже так думал, пока солнце не подарило мне этот удивительный родник. Теперь я знаю, что у многих людей души

нет. Я уверен в этом. Бывает, человек всю жизнь проживет, и школу успешно закончит, и институт, и женится на красавице, и детям образование даст, и работа у него хорошо оплачиваемая, а душа – никакая.

– Отчего это?

– Потому что, кроме четырех стен, стола с едой да теплой постели на двоих ему ничего не надо. Душа его никуда не летит и просит только то, что просит желудок. Он даже в церковь ходит и крест целует, потому что многие так делают и так принято... Он страшно боится стать бездуховным, потому что в России бездуховный человек все равно что беспартийный. А беспартийный – значит плохо продвинутый и лишенный всяческих льгот, привилегий. Может ли такой пустотел знать судьбу святого, которому молится? Конечно нет! Судьба каждого святого – это почти фантастическая история. А ведь нужно понять ее, осмыслить, а потом уже целовать икону и молиться за свое спасение. Думаю, что такой человек знает о святых столько же, сколько о своей душе. А может, еще меньше. Своя-то душа еще и есть просит иногда, и не все подряд. А раз такой пустотел мало что знает о своей душе, то, значит, она как бы и не существует! Одним словом, ему – четыре стенки в гробу и никаких тайн. И напротив – если у человека есть душа, то он царь и Бог. Широкая, чуткая душа, не рабыня «баксов» и банковских счетов. Ее и в компьютер не загонишь, и не скачаешь, и не оболванишь любой культурой, потому что у нее на все земные

проявления свой взгляд, своя харизма, свой луч, идущий от солнца. Она не канарейка, ее в клетку не посадишь. Человек бывает переменчив и противоречив, порой до абсурда, до умопомрачения. Утром поет, пляшет от ясности, простора, света. А вечером лежит в какой-нибудь грязной луже по уши в тухлой параше и счастлив.

– Отчего, Ваня?

– Оттого, что живой остался. Кто с ним пил и гулял, того уже нет. Казалось бы, надо задуматься над такой бедой. Ан нет! Завтра повторяется все снова, только с другой компанией, с другим напитком. Разве может быть у такого человека душа? Конечно нет! Душа, как дерево или шкатулка с драгоценностями, которые растут по собственным законам. Конечно, на нее влияет телевидение, Интернет, радио, книги, но больше всего – любовь. И упаси Господь, если душа зависима от денег. Ведь деньги – это разукрашенные придуманные людьми бумажки. А душа – не бумажка. Она не поддается измерению, потому что в ней жизнь не одного человека, а всей Земли, всей Вселенной. У человека, оторванного от Земли и Вселенной, души тоже нет.

– Как нет, Ваня?! Может, я чего-то не понимаю... Поясни мне, что такое душа? Только не сейчас. потом. Нам надо срочно уходить.

– Нет, сейчас! – вдруг почти выкрикнул Иван. – Ты должна знать, что тебя впереди ждет. Только состоянием твоей души будет измеряться то богатство, тот полет, то бессмер-

тие, которое будет принадлежать тебе. А этих ищущих наемных из уголовного розыска, – кивнул он в сторону «черной дыры», – теперь не бойся. С этой минуты все решают солнце и звезды. Они, по всей видимости, раньше нас заметили этих безумцев. – Иван снова посмотрел на солнце и, заслепившись от света, спрятал карабин в розвальнях. – Теперь многие считают, что душа человеку не нужна. Вот умную голову или красивые глаза иметь очень важно. А душа даже мешает, потому что с нею надо ответ держать перед Господом. А без нее – хоть трава не расти. А душа, Верушка, это все: и дом твой, и тайга, и болото, и небо, и звезды, и луна – все то, что не должно разлучаться с душой вечно. Иначе нас нет. И ничего нет в мире, если нет души, потому что без нее все мертвое. Душа – это удивительная тайна, в которую человек, словно в потаенную шкатулку, помещает все самое ранимое, светлое, все самое сокровенное и до боли родное. Доступна эта шкатулка только тому, кто влюблен в тайну. Нет тайны, значит, нет души. И такой человек – ходячий мертвец. И самое страшное, когда у него при себе ноутбук. Эта умная машина, но такая же бездушная и мертвая, как и он сам.

Глава 2

Унесенные солнцем

Уже сильно светило солнце, и было намного теплее, когда взмокшие лошади добрались до леса. Ветер по-прежнему

дул с юга. Это позволяло замереть, прислушаться и понять, далеко ли наемные сыщики и их розыскные собаки. Густой хвойный лес нравился Вере с детства. Особенно его пряные запахи багульника, смолы, таежного меда. Если среди болотных лыв и низкорослых карликовых деревьев пространство казалось бесконечным и люди с обученными собаками были тоже где-то далеко, то в лесу все казалось рядом.

Попав в хвойный лес, влюбленные услышали не только токующих глухарей, крики лесных ястребов, но и голоса наемных сыщиков. Южный ветер словно ударился о край леса и усиливал каждый звук.

– Природа всегда помогает мне, – задумчиво сказал Иван, немного успокоившись после встречи с солнцем и после взволнованных рассуждений о вечности души и связи ее с таежным родником. – Не зря Белинский говорил, что природа сделала человека, а не какая-то мистика или пришельцы неизвестно откуда, – тихо добавил Иван и остановил лошадей. – Снег в лесу почти растаял, значит, дорога будет еще хуже.

– В каком смысле? – поинтересовалась Вера.

– Полозья розвальней оседать будут еще глубже... движение замедлится...

– Значит, нас могут догнать?

– Не беспокойся, Верушка... Солнце тоже всегда помогает мне. Оно дружит не только с другими звездами, но и с луной, землей и даже с ветром и снегом. По-моему, пора кор-

мить лошадей. Распрягать мы их не будем, а покормить надо. Заодно и мы перекусим. Ты, наверно, проголодалась?

– Да, Ваня. Но я не знаю, что происходит со мной. Ты говорил с утренним солнцем, и я никак не могу понять, это что – накипевшая боль?! И ты, по всей видимости, не можешь обратиться к кому-то другому, кроме солнца. Или ты нашел с ним общий язык, какое-то общение? Какую-то реальную, конкретную связь? Мне жутко было слышать, когда ты сказал солнцу, что будешь его спасать, и я опять подумала, что ты либо сумасшедший, либо «паришь» такое, отчего свихнуться можно.

– Верушка, ты хочешь есть?

– Нет. Ты мне скажи сначала, как ты собираешься спасти солнце? Или у тебя поехала крыша? Его что, можно купить, уничтожить или спасти?!

– Люди теперь на все способны. Теперь не то что любой чиновник, даже гниды рвутся к власти. Потому что внутри их живет слепая блажь. Им господства хочется над теми, кто ближе к солнцу, к свету, к разуму. У них его нет, поэтому они подминают под себя тех, кто дает им живую кровь, энергию, силу, забыв о том, что только Создатель имеет на это право. Они считают, что главное – не дух, не власть добра, красоты, милосердия, сострадания и, конечно, не любовь к земле. Они надеются, что все это можно приобрести, как ты выражаешься, при помощи «бабла».

– Значит, они и солнце могут купить?

– Конечно! Уже есть объявления в Интернете о распродаже земли на Марсе и на других планетах. Скоро будет продаваться вся Вселенная, как нефть, золото или уран. И распорядиться ею будет человек, у которого главное – деньги. Это страшно...

– Но ведь все это делается для людей, для общего блага.

– Для каких людей?! Которые покупают твое тело, совесть, стыд?! А потом пускают тебя по заколдованному кругу как скотину, – не сдержался Иван. – Как жалкую тварь! Как раба! Или как глупого камикадзе! Или, может, как ворованную вещь на аукционе, от которой ему ни жарко, ни холодно, потому что он циник, и ему все равно!

– Успокойся, Ваня. У меня лично выхода не было.

– А я о чем говорю! Кто создает этот замкнутый круг, из которого нет выхода?! Ты задумывалась над этим?

Неожиданные вопли и стоны со стороны топкого болота оборвали возмущение Ивана. Он прислушался, повертел, словно потревоженный косач, головой и, посмотрев на солнце, опять опустился на колени, только уже более уверенно, твердо.

– Спасибо тебе, мой небесный друг, – на этот раз почти шепотом сказал он и, помолчав немного, вдруг обхватил голову обеими руками. Он обхватил ее, по-видимому, от счастья, от радости, и слезы появились на его лице. – Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Я хочу, чтобы ты было вечным, как души моих друзей, которые пьют воду из твоего

родника, как свет тех звезд, до которых еще не добрались эти продажные маклаки с немереными тоннами «бабла». – Иван хотел сказать еще что-то, но истошные вопли и лихорадочная брань вдруг заглушили его звонкий, неистовый голос, и со стороны топкого болота раздался надрывной собачий лай, а потом одна за другой полетели в небо красные ракеты.

– Спасите! Спасите нас! – кричали люди изо всех сил, вероятно, в свои радиотелефоны, и ветер отчетливо доносил их уставшие, обессиленные голоса.

– Началось, Верушка, началось... – с грустной и в то же время с какой-то окрыленной улыбкой прошептал Иван, когда ракетные выстрелы через несколько секунд прекратились и голоса, похожие на стоны, стали слышны еще отчетливее.

– Что началось, Ваня? Объясни. Там гибнут люди, а мы сидим сложа руки и слушаем их предсмертные выкрики.

Иван медленно поднялся на ноги, облегченно вздохнул, и лицо его опять вспыхнуло золотисто-серебряным блеском.

Этот удивительный блеск уже был знаком Вере, но только сейчас она могла дать ему точное сравнение. По цвету он один к одному походил на ранний восход весеннего солнца. Только оно неумолимо разгоралось и быстро охватывало лучами окружающий мир, а лицо Ивана вспыхивало и тут же гасло, словно в нем что-то обрывалось, и поэтому не могло постоянно гореть, как это делало солнце.

– У каждого человека своя судьба, – тихо сказал Иван и, сев на край розвальней, закурил. – Свой единственный путь,

от которого зависит не только его жизнь, но жизнь всей Земли и всей Вселенной. Это целая наука, похожая на науку о перемещении Добра и Зла из одной формы в другую. Я уверен, что судьба человека связана с магнитными бурями, с космической энергией, с тем, насколько глубоко проникает солнце в его душу. Тому много доказательств. Поэт Пушкин был пропитан этим светилом насквозь. Все творчество его стремится к одной мечте: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

– Ваня, я тебя спрашиваю очень конкретно и определенно, что началось?! И ты мне так же ответь. Конкретно и ясно, – на этот раз не выдержала Вера, и в голосе ее послышались ноты раздражения, даже гнева.

Иван глубоко затянулся табачным дымом и, прислушиваясь к болотным голосам, предложил Вере сесть рядом. Руки ее дрожали, словно предчувствуя какую-то новую беду, лицо выражало недоумение. Она быстро присела на розвальни и опять расплакалась.

– Милая моя Верушка, – с болью, даже с каким-то отчаянием тихо сказал он. – Я против всякого насилия... Но, несмотря на это, первый раз я сидел за то, что защищал Белый дом, хотя никого не убивал. Второй раз меня посадили за изнасилование депутатской неприкосновенности. Дама оказалась депутаткой. Она предлагала жениться на ней – я отказался, и она посадила меня за изнасилование. Через год меня амнистировали. Я страшно обрадовался, но, как толь-

ко меня выпустили, сгорел банк ее мужа – и, конечно, меня обвинили во всех тяжких и опять посадили.

– Хватит, Ваня! Говори, что началось?!

– Теперь, Верушка, само солнце будет хозяином этих робинзонов. Видимо, кто-то из влиятельных господ рискнул отправить экспедицию. Конечно, не за мной, я просто повод. Но солнце, как всегда, остановило их. Через несколько минут здесь появится вертолет, и мы посмотрим, что из этого получится.

– Ты слышишь крики? – никак не могла успокоиться Вера.

– Конечно слышу.

– Они просят о помощи. Я даже слышу, как они молятся.

Странно. Ведь у них супертехника.

– Никакая техника им не поможет. Здесь запутанное течение подземных рек. Весной оно непредсказуемо. А главное – все это неразрывно связано с небесным светилом.

– Ваня, может, это подарок твоей судьбе?! Ну что ты такой несообразительный! Надо спасти людей. Тем более ты знаешь, как это сделать. Среди них наверняка есть умные, уважаемые господа. Спасем их, и они помогут тебе выйти на свободу..

Иван молчал. Он о чем-то напряженно думал, и в глазах его, как и во всем лице, был тот самый золотисто-серебряный свет, который и ей не давал покоя. Вера расстегнула кофточку, посмотрела на свою безрукавку, прилипшую вместе с потом к разгоряченному телу, и сердце ее сжалось. Без-

рукавка светилась тем же золотисто-серебряным светом. Вера глянула на кожу своих посиневших от ссадин и ушибов рук и увидела, что сквозь синеву и царапины пробивается тот же золотистый солнечный свет.

– Как ты себя чувствуешь? – неожиданно спросил Иван. – Тебе не холодно?

– Мне жарко, Ваня. Надо спасти людей, Ваня, пойми, милый мой, дорогой, любимый человек, они помогут тебе выбраться из тюрьмы... Если мы спасем их, они наверняка оправдают тебя.

– Вера, я начинаю и за тебя переживать. Ты правильно сделала, надев мою целебную безрукавку. Скажи, ты до меня кого-нибудь, кроме Юры, любила?

– Только Юру.

– Я верю тебе. но, может быть. Я не знаю даже, как спросить тебя.

– Спрашивай, как думаешь.

– Я чувствую, что нравлюсь тебе, но, может быть, я для тебя что-то вроде снежного человека. Очень нестандартного, ненасытного, превратившего свою мужскую страсть в головокружительную забаву. У меня на этот счет сотни удивительных вариантов и возможностей. И не только физических, но и других. Моя душа обладает редкими гормонами радости. Женщины не хотят расставаться со мной и даже преследуют.

– Почему ты так решил?

– Мне говорили об этом многие женщины. Может, ты просто балдеешь, когда я заворачиваю твои бедра, гибкие, как лоза, и раскачиваю ими твои золотые серьги. И не более?

– Про гормоны радости мне тоже говорили многие, только не женщины, а мужчины.

– Может, это говорильная мода, пришедшая с Запада?..

– Наверно, Ваня. Только к любви она не имеет никакого отношения.

– Поэтому, Верушка, пойми меня правильно. Я не Гришка Распутин и не сексуальный робот. Я просто жертва тех нравов, которые пришли к нам в Россию и стараются расколоть ее. Я жертва, которая сопротивляется изо всех сил, которая пытается сохранить духовность. – Иван неожиданно замолчал и, прислушиваясь к голосам из топкого болота, вновь достал берестяные скрижали. На этот раз они были аккуратно привязаны к тонкой дощечке и находились за голенищем резинового сапога. – «Мы русские, – тихо, почти шепотом, прочел он. – Таков наш рок... У нас свои мечты и страсти. Пусть мы без денег, без порток – любовь и вера наше счастье. И потому по всей земле! По всей земле исконно русской, вольготно жабе и змее и каждой твари с мордой тусклой». Верушка, когда ты предлагаешь мне спасти этих пострадавших и надеешься, что они вытащат меня сначала из тюрьмы, а потом из долговой ямы, то ты обижаешь меня. Во-первых, ты ставишь меня рядом с этими супернавороченными негодьями, потерявшими ради денег все, что мо-

жет создать природа, в том числе и мозги. Во-вторых, ты хочешь, чтобы я спасал дегенератов, которые могут истребить не только все святое на Земле, но и все живое. В-третьих, я думаю, что ты не такая дурочка, чтобы верить этим перевертышам. Пойми, они никогда не дадут свободу русскому человеку. Свободу может дать только тот, кто сам свободен и независим ни от кого, даже от того, кто создал его! А эти хорошо упакованные рабы роскоши и секса, взявшие от прежней власти все самое мерзкое и пошлое, способны только на захват и уничтожение.

– Ваня, миленький мой! Как сильно тебя озлобила тюрьма! Господи, Ваня...

Но Иван как будто не слышал ее. Вероятно, этих людей, которые преследовали его днем и ночью, он так хорошо изучил и возненавидел, что испытывал явное удовольствие, когда смаковал их продажность.

– Самое страшное, – никак не унимался он, – что эти подонки не только хотят править миром, но быть еще святыми и бессмертными, как сам Господь. Но господь противится этому. Он видит, как они духовные храмы превращают в бизнесцентры, а искусство – в развлекаловку или в игру, где побеждает хитрость и расчетливый цинизм или сексуальный эгоизм.

Может поэтому, Верушка, в церковь теперь ходят либо убогие, немощные люди, либо отпетые бандиты. Бандиты надеются, что Бог простит. Конечно, он все простит, но солн-

це – никогда! Оно намного старше и строже Иисуса Христа. Если оно будет прощать, то жизнь на Земле остановится, и не только на Земле, но и там, где живут его лучи. Оно не простит и тебя, если ты...

– Продолжай, Ваня. Почему ты опять замолчал? Я тебя внимательно слушаю.

– Если ты решила поразвлекаться со мной и увеличить счет своих штучных клиентов... Скажи мне, Верушка. Мне это сейчас необходимо знать. Ты и в самом деле любишь меня?

– Почему ты спрашиваешь об этом? Неужели ты не чувствуешь? Ненаглядный мой, дорогой мой покойник, – неожиданно вырвалось у нее из груди неласковое слово, и она почему-то вдруг засмушалась, затрясла цепкими, еще очень подростковыми руками, а потом, сжав тонкие пальцы в маленькие худые кулачки, вдруг застучала ими по его сухой спине. – Говори мне сейчас же, почему ты спрашиваешь об этом?

– Дело в том. – он опять посмотрел на небо и тяжело вздохнул. – Там, в брусничном суземье, многое зависит.

– Ну что ты мнешься опять? Говори – от чего?

– От совести, точнее, от души твоей. Если ты нарушаешь движение эфира, из которого состоит совесть.

– Разве совесть состоит из эфира?

– Да, да, еще мало изученного, но необходимого человеку так же, как его душа, фантазия, воздух. Так что, если ты бу-

дешь обманывать меня, солнце может поступить по-своему и я тебе уже ничем не смогу помочь.

– Как это понять? В чем дело? Значит, ты.

– Значит, я не самый главный хозяин своего капища, и человек – не хозяин земли. Иногда у меня только мысль промелькнет: «Какие бездушные люди живут в ближайшей деревне...» Порой уснуть не могу. А утром со стороны деревни ветер приносит пепел и золу, да одуревшие от пожара звери вместе со скотом мчатся мимо меня. Какая-то неуправляемая сила живет не только в солнце, но и во всем, что насквозь пропитано золотисто-серебряным светом. Особенно в живых существах, в том числе и в человеке. Эта сила имеет огромное влияние на окружающий мир. Я это, Верушка, на себе испытал. Еще в зоне мне пришлось столкнуться с одним надзирателем, который отнимал у зэков все самое святое: кресты нательные, фотки любимых женщин, обереги. Тогда я подумал: «Как жестоко этот человек издевается над осужденными! Ведь он сам – последняя сволочь». Вскоре его обвинили в воровстве и отправили в зону особого режима. Но тогда я не был так сильно пропитан солнцем... А теперь... Порой только подумаешь: «Как же земля держит этого человека или животное?» – и вдруг он так стремительно, так внезапно превращается в прах, что жутко становится. Чаще всего его наказывает молния или уносит пожар. И самое интересное, что даже память об этом человеке или животном стирается мгновенно, как будто их и не было на земле. Лю-

бопытно, что в сознании остаются только те, кто пропитан солнцем, как ребенок молоком матери. Вероятно, свет его проникает прежде всего в души тех людей, кто верит в добро и вечность разумной души. Поэтому свет постоянно торопится в людские души, словно семя мужчины в сладкий женский плод.

– Я не знаю, как свет солнца, но семя мужчины, даже самого неповоротливого, ленивого и бездарного, всегда торопится, – неожиданно перебила его Вера. – У богатых господ с этим возникают большие проблемы. И когда господин еле ходит и вес его не позволяет ему лечь на меня, потому что он может раздавить любую женщину. Но семя его так спешит, что он теряет контроль, и стискивает женщину, как удав, превращая блаженный миг радости в насилие.

– Потому что любая женщина для него, даже самая необыкновенная, – обычная эксклюзивная кукла. Он прячется с ней от света солнца.

– Ну да, она для него мяукающий и ласково царапающий товар, и не более. – неожиданно поддержала его Вера.

– Но все это зависит от легкости, гибкости великого эфира, который содержится в лучах этой удивительной звезды. – Иван с улыбкой посмотрел на небо и перекрестился. – Этот эфир дарит человеку фантазию, разум и, конечно, любовь. Горе ждет человека, уходящего от света в тень. От солнца к безумным, губительным открытиям, разрушающим сначала душу человека, а потом и мозги. Это очень страшно, когда

оснащенный супертехникой какой-нибудь влиятельный господин становится самой опасной и непредсказуемой «Вич-обезьяной», которой подвластно все – от пушечной стрельбы по Белому дому до «впаривания» тех жутких идей, что тащат нас в пропасть.

– Ну да, Вич-обезьяну, сбежавшую из зоопарка, поймать можно, усыпить...

– А этого не поймаешь, не усыпишь.

– Я тоже так считаю, Ваня. На стороне «Вич-обезьяны», словно вызов всему разумному, и законы порой, и власть, а про деньги и говорить не приходится. Каждый орангутанг придумывает свой ваучер.

– Эти люди одурманили себя запредельными цифрами, расчетами, балансами, и самое страшное – манией величия. На земле их сейчас миллионы. Они гордятся ураном 235, создают новые протоны типа двести десятого. Сейчас они в теллячем восторге от цифровой техники и нанотехнологий. Но все это не имеет никакого отношения к солнцу и к тому прогрессу, где не надо покупать кислород, чтобы вовремя дойти до туалета, а полюбив женщину, не думать о том, что каждая вторая – ВИЧ-инфицированная. Они, Верушка, расщепили и превратили в цифры то, что нельзя расщеплять и превращать в цифры. Они себя жарят на ходу.

– Почему?

– Потому что в каждой новой цифре заложен определенный код, знак нового эфира, далекого от оригинала. Он мо-

жет оказаться, в конце концов, полной противоположностью первоисточника, абсолютно без света солнца. А это беда. Это трагедия, уносящая землю во тьму, ведущая к гибели. – Иван опять посмотрел на небо и перекрестился. – Ну да бог с ними! – раздраженно сказал он, обращаясь к солнцу, как будто оно слушало его. – Пусть они цифруют то, что никогда не измеришь и не разгадаешь цифрами и расчетами. Жаль только Землю да ее людей. Ты молодчина, Верушка, ты правильно сделала.

– В каком смысле? – насторожилась Вера, и руки ее опять задрожали.

– Ты послушалась меня, и в душе моей теперь больше покоя. Мужская безрукавка, которую ты надела по моей просьбе, тоже пропитана солнцем, и в ней живет та же неистовая энергия разума, стойкости. Она непременно перейдет в твою плоть и кровь. – На этих светлых мыслях Иван закурил, глубоко затянулся сигаретным дымом и неожиданно обнял своими цепкими ручищами дрожащее от любви и растерянности хрупкое тело невесты. – Ты станешь желанной женщиной моего капища, где законы звезд превыше всего. Поэтому любовь и вера живут там тысячелетиями. Как мне хочется обнять тебя еще крепче, еще нежнее, и целовать, целовать до тех пор...

– ...Пока крики о помощи не стихнут и солнце не согреет тебя своим материнским теплом, – шептала ему в ответ Вера и своими разгоряченными губами с любовью тянулась, как

верба к свету, к его воспаленным взволнованным губам. – Мне жутко, Ваня, от слов твоих сердце щемит. – почти в слезах словно причитала она. – Но я еще больше начинаю понимать тебя. Наверно, люди настолько затравили тебя, озлобили, что только солнце отогревает твою душу.

– Солнце да твое чуткое сердце. Ты мне вернула любовь, а солнце – жизнь. И тебе вернет. Непременно вернет. Конечно, не сразу. Только после долгих скитаний оно подарило мне свое бесценное сокровище, свой живительный родник вечности. Теперь, благодаря ему, я здоров и знаю много редких секретов человеческой души.

– Каких, Ваня?

– Прежде всего, секретов ее движения, уходящего либо в бессмертие, либо в прах.

– Какой ты умный, мой милый. Да ты не просто милый, Ваня, ты странный до чертиков, фантазер. И все-таки давай спасем кого-нибудь, – не успокаивалась Вера. – Давай, давай, хоть кого-нибудь. Настоящий покойник должен всех спасать, потому что ему уже все равно лучше не будет. – Она с надеждой смотрела в его воспаленные глаза, наполненные горечью и болью, и целовала его, целовала, словно хотела растопить в его душе лед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.